ВЛАДИМИР ДУДЧЕНКО

ЛАБИРИНТЫ КАИРСКИХ УЛИЦ ОПАСНЕЕ ЛИНИИ ФРОНТА

КАНАЛ

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА НА СИНАЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Тайный фронт

Владимир Дудченко

Канал. Советская разведка на Синайском полуострове

«Алисторус»
2026

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

Дудченко В. А.

Канал. Советская разведка на Синайском полуострове /
В. А. Дудченко — «Алисторус», 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-682-6

Это история о «Войне на истощение» – ожесточенном противостоянии Египта и Израиля на берегах Суэцкого канала (1967–1970). Египет пытался силой вернуть Синай, утраченный в Шестидневной войне. Бои шли с применением тяжелой артиллерии и авиации, но закончились «вничью», закрепив границы. В боевых действиях принимали участие советские военные советники и переводчики в египетских частях и подразделениях, солдаты и офицеры 18-й особой зенитно-ракетной дивизии ПВО. В эпицентре этих событий оказывается советский военный переводчик, который, после окончания престижного Военного института иностранных языков, попадает в самое пекло ближневосточной политики. Здесь, среди песков и огня, он сталкивается не только с войной, но и с миром спецслужб, где цена ошибки – жизнь. Его ждут смертельно опасные миссии в зоне конфликта и интриги в лабиринтах каирских улиц, столкновение с израильским спецназом... Содержит нецензурную лексику.

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

ISBN 978-5-00269-682-6

© Дудченко В. А., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Часть первая. Южнее Суэца 8
Глава первая 8
Глава вторая 15
Глава третья 22
Глава четвертая 30
Глава пятая 37
Глава шестая 47
Глава седьмая 55
Глава восьмая 63
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Владимир Алексеевич Дудченко
Канал
Советская разведка на Синайском полуострове
Роман

© Дудченко В.А., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Ветеранам боевых действий, живым и ушедшим, посвящаю.

Совпадение с реальными лицами не более чем случайность.

Историческая канва событий реальна.
Автор

Москва. Ноябрь 1971 года

Полещук перешел улицу и, оказавшись на Гоголевском бульваре, оглянулся на серую громадину здания Генерального штаба. Впрочем, это мрачное, сталинских времен, сооружение больше ощущалось, чем виделось с бульвара.

Он поежился от холода, поднял воротник плаща и пошёл в сторону станции метро. Дойдя до памятника Гоголю, Полещук остановился, задрал голову и посмотрел на грустный облик писателя, поэтизировавшего Украину с ее удивительными вечерами на хуторе близ Диканьки. «Эх, рассказать бы Гоголю про нашу жизнь убогую…» – вспомнил он песню Высоцкого, и мысленно добавил: «военную, хреновую…»

– Стоп, – подумал Полещук, – не такая уж и хреновая эта жизнь. Я молод, я вернулся, руки-ноги целы, голова в порядке, деньги есть, перспективы просматриваются… – Он еще раз бросил взгляд на Гоголя в бронзе и резко провел рукой по черным с курчавинкой волосам, стряхивая дождевую пыль. – Гоголь, Высоцкий… Чего ж так нерадостно?

Нахлынула тоска по тем не столь уж далеким институтским годам: театр на Таганке, куда попали почти случайно – спасибо Лешке Агарышеву, однокурснику, с его отцовскими связями в московском бомонде. Спектакль запомнился плохо, зато потом, за кулисами оттянулись на славу. Там и появился Володя Высоцкий, уже поддатый, с гитарой. И зазвучали его пронзительные песни, включая эту, кажется, про сумасшедший дом. Откуда-то появилось спиртное, пили, чего-то орали…

На душе было скверно. По бульвару по-московски быстрой походкой, поторапливаемые дождем, сновали прохожие с зонтами. На скамейках ни единого человека – холодно и сыро. Полещук вытер носовым платком мокрое лицо, достал из кармана пачку «Мальборо», выковырял из нее сигарету и щелкнул «Ронсоном». Сигарета под дождем зажглась не сразу. «Ну и погодка, – подумал Полещук, – как раз подстать отвратительному настроению. Куда же пойти?»

Он сунул сигареты в карман плаща и нащупал там коробочку с орденом. «Вот и решение, товарищ старший лейтенант, – осенило Полещука, – обмыть бы надо… Без публики, без оваций… А уж потом с батей, как положено, по-офицерски, старый полковник знает толк…» Полещук подошел к урне, швырнул в нее недокуренную сигарету, открыл коробочку и достал орден. Темно-рубиновая эмаль «Красной Звезды» тотчас же покрылась мелкими капельками дождя.

«Орденом откупились! Мерзавцы, мать их!..» – на Полещука вновь нахлынула волна возмущения. Он плюнул под ноги, бросил взгляд на мрачных чугунных львов в основании старинного фонаря возле памятника и решительно направился в сторону ресторана «Прага».

Ветер сдувал с деревьев остатки пожелтевших листьев, нудно моросил дождь. Озабоченным москвичам-прохожим не было никакого дела до хмурого молодого человека в модном, явно импортном плаще, ловившего ртом капли дождя. Лишь некоторые, похоже, удивлялись его не по сезону загорелому лицу. «Иностранец, наверное, из тех самых, – пробормотал мужичок с авоськой, – ишь как морду кофейную задирает. Небось, и дождя никогда не видел. Понаехало тут всяких…»Полещук его не услышал.

В респектабельной «Праге» ничего не изменилось. Полещук отдал в гардеробе плащ и поднялся в знакомый зал. Там было почти пусто. Он сел за стол и сделал неожиданно быстро подошедшему официанту скромный заказ, не глядя в меню: сто пятьдесят водки, бутылку «Боржоми» и холодные закуски. «Шеф, чего-нибудь повкуснее, пожалуйста, – сказал он. – Ну, селедочку, к примеру, или севрюжку… В расчете, что я не был в Москве и вообще в Союзе несколько лет. Только без черной икры…»

Молодой официант с некоторым удивлением посмотрел на Полещука и, еще раз оглянувшись на него, пошел выполнять заказ.

Наверное, нездешняя внешность Полещука и его элегантный костюм магически подействовали на халдея. И не успел Полещук докурить сигарету, как подоспела водка в графинчике и закуска. Не обращая внимания на официанта, Полещук налил полбокала водки, опустил туда «Красную Звезду», залпом выпил, достал орден и сунул его в карман. Молодой официант прерывисто дышал за спиной Полещука, не смея что-либо сказать. «Что, удивляешься? – повернулся Полещук, наливая в бокал „Боржоми“. – Не надо. Работа была такая. Иди, иди старик, не пялься на меня за спиной…»

Водка – поразительный русский напиток. Полещуку стало тепло и уютно. От сердца, по мере поступления алкоголя в кровь, отлегло, настроение стало получше. Да нет, не то чтобы лучше, просто гнетущая душу обида чуток отодвинулась. Полещук налил еще, но уже в рюмку. Выпил. Посмотрел на сидевших за соседними столами москвичей и, как говорят в ресторанах, гостей столицы. «А сейчас для нашего гостя из солнечной Армении (Грузии, Узбекистана и так далее) прозвучит песня…» – вспомнил он ресторанную классическую фразу. Но вечер еще не наступил. И музыки еще не было.

…Когда и каким образом за столом Полещука появился Вовка по кличке Макнамара (по некоторому внешнему сходству с американским военным министром), его однокурсник, а следом за ним Боб Темкин, бывший институтский преподаватель, Полещук так и не вспомнил. Первый вроде бы вернулся из Сирии, а второй – хрен знает, откуда. Мир тесен, а пути из Генштаба частенько приводили офицеров, прибывших из загранки, в «Прагу».

Водка полилась рекой, зазвенели фужеры, зазвучала непонятная для всех гортанная речь, поползла на пол крахмальная скатерть…

– Товарищ лейтенант, что мне с этим гражданином делать? – Задумчиво вопрошал милицейский сержант, показывая на Полещука, сидевшего за решеткой «обезьянника». – Ведь пьяный вдрызг… Сопротивление оказать пытался…

– Чего, чего… Ты, наверное, не понимаешь, кого загреб, а? – Сказал лейтенант, разглядывая орден «Красной Звезды», удостоверение к нему, и загранпаспорт Полещука. На замызганном столе лежали: бумажник, мятая пачка «Мальборо», серебристая зажигалка, бумажник, записная книжка и кучка металлической мелочи.

Милицейский лейтенант еще раз посмотрел на изъятые вещи, вытащил из пачки «Мальборо» сигарету, вздохнул, повертел в руках тяжелую зажигалку, щелкнул, глянул на газовое пламя и прикурил. Пыхнув ароматным дымом, лейтенант кивнул сержанту: «Кури, там еще есть. Да, брат, это тебе не „Прима“!» Он открыл бумажник – Ого, неслабые деньги! – И стал листать загранпаспорт. – Ни черта не понимаю: орденская книжка, загранпаспорт… Все на имя гражданина Полещука. Нет, давай-ка от греха подальше, а то еще обломится, упаси Бог. Короче, видишь, здесь написано: «Оказывать владельцу всяческое содействие и пропускать беспрепятственно. И еще чего-то по-иностранному…» В общем, так, сержант. Бери дежурную тачку и доставь гражданина Полещука Александра Николаевича по месту жительства. Или куда укажет. Товарищ, похоже, очень непростой. Он хоть говорит?

– В основном на непонятном языке, товарищ лейтенант. Но иногда может и на русском говорить. Да, сами спросите!

– Давай, выводи его из «обезьянника», – приказал лейтенант. – Пообщаюсь с товарищем Полещуком.

– Товарищ лейтенант, он же сопротивление оказывал. Вот, поглядите, чуть руку не вывихнул. Мы его с Коляном еле повязали…

– А ты что думал, боевые ордена в наше время за просто так дают? Выводи, выводи…

Часть первая. Южнее Суэца

Глава первая

– Молодой человек! Минеральная вода, сок. Что будете пить?

Полещук с трудом открыл глаза и посмотрел на симпатичную стюардессу в синей униформе, стоявшую рядом с его креслом. Потом глянул на столик-тележку и вымученно улыбнулся девушке.

– Налейте мне вина. Красного. Лучше двойную порцию. Голова после проводов трещит…

Стюардесса понимающе усмехнулась, взяла со столика бутылку грузинского вина, немного плеснула в пузатый стаканчик и протянула его Полещуку. Мрачный и неразговорчивый сосед Полещука заказал сок.

– Девушка, вы что, издеваетесь над несчастным пассажиром? – Шутливо спросил Полещук, увидев едва прикрытое рубиновой жидкостью донышко стаканчика с эмблемой «Аэрофлота». – Я же просил двойную порцию.

– Не положено, – строго сказала стюардесса, – вот, если останется, я вам еще налью. И покатила свою тележку дальше по проходу. Полещук посмотрел девушке вслед и оценил ее ладную фигурку.

– А еще говорят, летайте только самолетами «Аэрофлота»! Да ни в жисть!

Сосед Полещука, неприятный толстый тип скривил рот и как бы про себя пробормотал, что других авиакомпаний в Советском Союзе не имеется. Стюардесса обернулась с профессиональной улыбкой на лице, но ничего Полещуку не ответила. Он залпом выпил вино, достал из дорожной сумки пачку болгарских сигарет «БТ» и закурил. Тип у иллюминатора, видимо, некурящий, бросил укоризненный взгляд на Полещука и уткнулся в газету «Правда». Судя по наколке на левой руке, соседа звали «Вова».

В салоне рейсового «Ил–18», летевшего по маршруту Москва-Каир, постепенно становилось шумно. Галдели распивающие «Московскую» мужики в «ковбойках», судя по виду, работяги, возвращавшиеся после отпуска в Хелуан или Асуан; чинно беседовали солидные дяди в одинаковых темных костюмах и при галстуках, скорее всего, военные советники, получившие цивильную одежду на складе «десятки» (10-го Главного управления Генштаба); тихо общались друг с другом два узкоглазых паренька, которых Полещук мельком видел в генштабовских коридорах: переводяги-двухгодичники, призванные на военную службу после окончания какого-то среднеазиатского университета.

Женщин среди пассажиров было немного. Это, без сомнения, были жены специалистов, летевшие к своим мужьям. Полещук, помотавшись с отцом, кадровым офицером, по гарнизонам, безошибочно идентифицировал офицерских жен. Особенно «бальзаковского» возраста и особенно из провинции.

Дым стоял коромыслом, женщины недовольно морщились, направляли на себя вентиляторы индивидуального обдува, но не протестовали. Ведь они впервые в жизни летели за границу, в ОАР, в неизвестный экзотический Египет. К сфинксам и пирамидам, а главное – к изобилию всевозможных товаров в лавках и магазинах, о чем им уже успели сообщить мужья в своих письмах.

Полещук встал с кресла и пошел в конец салона в туалет. Возвращаясь обратно, невольно услышал «лингвистический» спор поддавших работяг и остановился.

– Я и говорю ему: сабакин хер, товарищ, – оживленно рассказывал грузный мужик, державший в одной руке бутылку, а в другой – огурец, – а он, балбес, не понимает. Только башкой крутит и глазища черные таращит…

– Эх, ты, Ваня, почти год в Египте, а десяток слов не выучил, – с укоризной сказал его щуплый коллега, дымивший «Беломором». – В ихнем языке товарищ – значит рафик. Так-то.

Полещук не стал поправлять «сабакин хер» на «сабах аль-хейр» (доброе утро), а молча прошел мимо. «Не получается пролетариям всех стран соединяться, – мелькнуло в голове, – языковой барьер мешает…»

Мерно гудели четыре турбовинтовых двигателя. Полещук посмотрел на ярко голубое небо в иллюминаторе и закрыл глаза. До Каира еще лететь и лететь…

…В день выпуска из института в Москве было необычно жарко для первого месяца лета. Новоиспеченные лейтенанты в новенькой офицерской форме цвета морской волны парились на плацу в ожидании начальства. На левом фланге каждого выпускного курса белой парадной формой выделялись ребята, получившие назначение на флот. Им, вернее их красивой форме, остальные немного завидовали.

Ожидание затянулось. Самые нетерпеливые из заядлых курильщиков начинали роптать. Кое-где за строем стали подниматься облачка сигаретного дыма. «Прекратить курение в строю!» – Зашикали начальники курсов, а старшины (точнее, уже такие же лейтенанты, как все) потянулись разгонять нарушителей.

Наконец, на трибуне появилось руководство во главе с легендарным и всеми обожаемым «дедом» – генерал-полковником Андреевым Андреем Матвеевичем, начальником Военного института иностранных языков. За плечами «деда» было почти полвека службы в армии, две войны – финская и Отечественная, а на груди куча орденов и Золотая Звезда Героя.

Любили слушатели института Андрея Матвеевича, несмотря на внешнюю суровость генерала и его высказывания типа: «Что вами командовать, что балеринами Большого театра – без разницы. Мне бы сейчас стрелковый корпус…» («Дед», наверное, не случайно упоминал именно корпус – в 1945 году его стрелковый корпус всего за несколько часов взял Потсдам.)

Впрочем, когда генералу Андрееву приходилось вручать боевые награды слушателям института, побывавшим на так называемых стажировках в «горячих точках» земного шара, он не скрывал гордости за своих подопечных «балерин». «Молодцы, – говорил он, – вот, так и надо. Боевые переводчики!»

«Деда» сопровождали его заместители, начальник политотдела, начальники факультетов и какой-то высокий чин из руководства Министерства Обороны. Прозвучали команды «Равняйсь! Смирно! Равнение на знамя!» и в сопровождении почетного караула перед строем выпускников поплыло боевое знамя института…

Вручение дипломов и коробочек с академическими «поплавками», а флотским лейтенантам еще и кортиков, прошло быстро. Подход, доклад, получение из рук генерала Андреева корочек диплома, отдание чести и возвращение в строй. Пошли в дело кортики, остриями которых лейтенанты вертели дырки на мундирах, чтобы прикрепить вузовские значки. Потом было традиционное прохождение выпускников торжественным маршем под оркестр. И налетевшая с объятиями и поцелуями толпа родственников… Белые рубашки под парадными мундирами молодых офицеров стали насквозь мокрыми от пота.

В общежитии института, которое иронично называли «Хилтоном», выпускники, сбросив тесные, сшитые в талию, мундиры, заранее заготовленной водкой накоротко «обмыли» лейтенантские звездочки и дипломы. Настроение у всех было приподнятое. Еще бы: позади пять (а у некоторых шесть) лет учебы с зубрежкой иностранной лексики, нудным конспектированием первоисточников классиков марксизма-ленинизма, изучением ТТХ боевой техники, решением тактических задач… В общем, прощай Волочаевская улица вместе с Танковым проездом! Восторг молодых лейтенантов омрачить, казалось, было невозможно ничем. Будущее им виделось только в розовом цвете. И неважно, кого куда распределили: в «десятку», ГРУ, КГБ или куда-то еще…

В комнату общаги, где собрались арабисты, заглянул Николай Пестышев, выпускник персидского отделения, бывший старшина курса. Высокий, сухощавый с жесткими чертами лица, отслуживший срочную до института, и нещадно гонявший салаг-однокурсников в первые казарменные годы, Пестышев, несмотря на свой армейский авторитет и справедливость в служебных требованиях, даже теперь вызывал о себе сложные чувства. Его всегда уважали и побаивались… Полещук мгновенно сунул бутылку с водкой под стол.

– Саша, да перестань ты дергаться! – Обиженно произнес Пестышев, зайдя в комнату и углядев маневр Полещука. – Я уже не старшина, а такой же лейтенант, как и ты…

– Извини, Николай, привычка. До сих пор не могу забыть твой командный старшинский голос: «Курс, подъем! Выходи строиться на утреннюю зарядку! Форма одежды – с голым торсом! Слава Богу, не заставлял нас, как некоторые рыть ночью яму, а потом зарывать…» Тебе налить?

– Еще спрашиваешь, конечно. – На обычно строгом лице Пестышева появилась улыбка. – Или бывшему старшине курса уже не положено?

Выпили. Пестышев подошел к раскрытому окну и выглянул на Танковый проезд.

– Сажин, это отсюда ты пустую бутылку швырнул? – Он повернулся к лейтенанту Виктору Сажину, в задумчивости сидевшему на койке. – Если б не провода, ни какому-нибудь полковнику, а целому начальнику парткомиссии было бы худо. Чуть наголову не упала…

– Ага, только виновного не нашли, – отозвался Витя. На его круглом лице засияла довольная улыбка. Слегка оттопыренные большие уши покраснели. – А не пойман – не вор.

Офицерам выпившим по чуть-чуть, заводиться было нельзя – вечером лейтенантов ждал ресторан «Прага», где заблаговременно заказали зал. А надо было еще пообщаться с родителями, а затем успеть переодеться. Времени на все про все – в обрез.

…В «Праге» гуляли «по-гражданке». Как ни хотелось молодым офицерам пощеголять в парадной форме, решили не «светиться». Мало ли что. Вдруг кто-то переберет с алкоголем? И накроется заграница «медным тазом», да еще с последующим откомандированием в какую-нибудь «тьму тараканьи» вроде туркменских Маров или Янгаджи. Эти учебные центры ПВО с дикой жарой, скорпионами и фалангами, мерзким портвейном, горьким отваром из верблюжьей колючки (от жажды) и многими другими «прелестями» многие из нынешних выпускников уже проходили, бывая там в командировках, больше желания не было. Загреметь в ТуркВО легче легкого, а вот выбраться оттуда – ох, как тяжело. Улица Полторацкого в Марах, например, навевала воспоминания. Разные, но отнюдь не всегда веселые. Кто был, тот помнит и злобные взгляды аксакалов-туркмен в белоснежных папахах, и арыки, в которые сваливались набравшиеся до предела потомки бойцов Красной Армии, и грязные, если можно так сказать, квартиры, с не менее грязными местными девицами, между прочим, русскими. И море отвратительной водки и мутного вина «типа портвейн».

…Колонный зал «Праги» подавлял своим великолепием: зеленые мраморные колонны, лепнина с позолотой, огромные хрустальные люстры, белоснежные накрахмаленные скатерти, серебро приборов… Туда-сюда с подносами носились вышколенные официанты в бабочках. Праздничный стол, по меркам «Праги», был, конечно, небогатым: заказали, на сколько хватило первых лейтенантских денег. Все равно красота.

После нескольких рюмок, слегка захмелевшие лейтенанты ударились в воспоминания.

– А помнишь, как мы с тобой в самоволку махнули? – Подсел к Полещуку его институтский приятель Игорь Базилевский. – Сначала на «ликерку», а потом в клуб «Серпа и Молота» в кино…

– Еще бы не помнить, Игорек. Я же тогда застрял на заборе, проколол железным штырем хромовый сапог, зацепился полой шинели. Потом водку из чайника пили в женской общаге «ликерки», с девчонками разругались…

– Ага, хотели нас захомутать, – улыбнулся Игорь. – Эти… – Он захохотал. – Размечтались, дурехи! Как же, сейчас в койку и под венец! Вроде, куда нам деваться после их водяры из чайника? У нас же программа была…

– Да Бог с ними, Игорек! А фильм был классный – «Дамы и господа». День рождения мой отметили…

Полещук и Базилевский чокнулись хрустальными рюмками и выпили. Полещук поглядел на своего товарища, и в который раз про себя удивился: «Почему при поступлении в институт светловолосому и голубоглазому Игорю дали арабский язык? Ведь у Базилевского чисто славянская физиономия. Ну, или скандинавская, на худой конец, если не принимать во внимание его обычный средний, а не двухметровый, рост. Впрочем, он не один такой на курсе. Вон, например, Серега Лякин – тоже ярко выраженный русак…»

– Базя, кстати, о самоволках. Поделись, как ты из Алжира в Париж слетал. Говорят, пиджачок вот этот клубный там прикупил. – Полещук прикоснулся рукой к вышитому на пиджаке Базилевского знаку неведомого французского клуба.

– Да, ерунда все это, Саня. Врут. Не было ничего подобного. – И Базилевский повернул голову в сторону начальника курса. Но тот сидел далеко в окружении выпускников, наперебой что-то ему говоривших, и слышать разговор не мог.

– Колись, колись, Базя. Дела-то прошлые. Как говорят арабы: «Ма фата – мата»[1] – Полещук потянулся за сигаретами.

– Ну, тебя на фиг. Я лично не летал. Умудрился слетать один из наших – старшекурсник, и пошли разговоры… Трепачи хреновы! Забудь, Саня.

Слова «помнишь, помнишь» слышались на разных концах длинного стола. Вспоминали совсем недавние, мартовские события на острове Даманском, когда из-за вооруженной стычки наших погранцов с китайцами всех посадили на казарму в ожидании объявления боевой готовности. Все понимали, что вот-вот могла разразиться война. Обошлось. Но никто не сомневался, что в этом году количество будущих китаистов в институте резко увеличится. Так в ВИИЯ было всегда: военно-политический спрос определял предложение по числу военных переводчиков конкретного иностранного языка.

А иногда Минобороны работало даже на опережение. В прошлом, 1968 году, в Красных казармах неожиданно появились большие группы солдат и сержантов срочной службы, как выяснилось, уроженцев Закарпатья, худо-бедно понимавших чешский и словацкий языки. После двухмесячной учебы на курсах они исчезли. А в августе, когда сообщили о вводе войск Варшавского Договора в Чехословакию, все стало на свои места. Ведь не напасешься же профессиональными переводчиками на такую армаду и в жесткие сроки!

…Много чего вспоминали вчерашние слушатели, а ныне – лейтенанты, дипломированные военные переводчики.

Кто-то из ребят предложил выпить за всех наших преподавателей. Лейтенанты потянулись с рюмками к присутствовавшим за столом двум преподавателям арабского языка – капитану Борису Темкину и полковнику Владимиру Ивановичу Шваневу. Выпили стоя. И перешли на арабский язык, демонстрируя преподавателям свободное им владение. Темкин отреагировал длинной фразой на египетском диалекте, а сдержанный Шванев лишь, понимающе, ухмыльнулся и пыхнул табачным дымом. Конечно же, лейтенанты знали, что до свободного владения трудным восточным языком им пока еще далеко, но болтали на нем бегло. Школа ВИИЯ – одна из лучших в Союзе, а может, и в мире.

Да, что касается преподавателей института, то за них действительно надо было выпить. Что ни полковник – то легенда. Взять хотя бы Шванева. Кадровый разведчик, проработавший больше десятка лет в Ливане под «крышей» то ли ТАСС, то ли АПН. Контакты на самом высо-

[1] Что было, то прошло *(араб. пословица)*

ком уровне, свободное владение пятью языками, доскональное знание ислама, кладезь мудрости. Полещук вспомнил первое появление Шванева в институтской аудитории: высокий мужчина с ранними морщинами на лице, одетый в прекрасно сшитую элегантную черную тройку в едва заметную полоску. Только через пару недель преподаватель арабского языка Шванев пришел на занятия в форме полковника с петлицами артиллериста. Кто-то из ребят засек, что уезжал он из института на шикарном «Олдсмобиле»… А полковник Воробьев, преподаватель кафедры вооружения и боевой техники. Нелегал. Полтора десятка лет служил капралом в армии США. Но как не пытались слушатели его разговорить, все было без толку: молчал полковник, аки «рыба об лед». Даже делал вид, что английский язык не понимает. Как и бывший нелегал, полковник Яковлев, «турок», отслеживавший корабли НАТО, проходившие через Босфор…

И таких полковников в институте на разных кафедрах – хоть пруд пруди. Но единственное, что можно было услышать в лучшем случае об их службе в разведке это: «Что вы, ребята. Я был маленьким винтиком в этом огромном механизме под названием ГРУ…» Все, больше не говорили ни слова. Правда, при каждом очередном съезде партии многие из этих полковников внезапно исчезали. Но на официальных фотографиях их никто не видел. Работа такая…

– Мужики, а за начальника курса еще не пили! – Раздался чей-то громкий голос. – Наливай!

– Ура «папе» Назарову! Ура-а-а!

Подполковник Дмитрий Васильевич Назаров был единственным, кто предпочел прийти в «Прагу» в офицерской форме. Его прошлое для всех так и осталось тайной. По слухам, Назаров закончил ВИИЯ с монгольским языком, вроде бы служил в Китае и Монголии. Почему стал начальником курса, не знает никто, но ходили разговоры о его работе в ГРУ, вроде бы, где-то «засветился». Впрочем, ленточки ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», кроме прочих советских и иностранных наград, говорили о том, что прошлое у подполковника было непростым. Подслеповато щурясь (носить очки при людях почему-то стеснялся), он неуклюже поднялся со стула.

– Спасибо, ребята. Я хотел бы на прощанье вот что вам сказать. Сегодня вы все получили дипломы о высшем образовании. Это хорошо, но только на первом этапе вашей офицерской службы. Не останавливайтесь на этом. Найдите возможность получить еще одно образование по любой другой специальности. А два иностранных языка, которыми вы овладели, пусть будут лишь дополнением…

Назарову бурно зааплодировали, хотя, скорее всего, никто из выпускников и думать не думал о каком-то другом мифическом образовании. Всем было хорошо и радостно. Зачем задумываться?

– И еще один важный момент, – начальник курса поднял руку, давая понять, что он не закончил свою речь. – Сейчас вы все в одном звании. Но пройдет время, и кто-то вырвется вперед в должностях и званиях, а кто-то отстанет. Не забывайте друг друга: протягивайте руку помощи. Все, товарищи офицеры. За вас!

«Папа» Назаров залпом опрокинул в рот содержимое рюмки, сел под аплодисменты на свое место и стал закусывать.

Из соседнего зала громко зазвучала музыка ресторанного оркестра. «Под железный звон кольчуги, под железный звон кольчуги, на коня верхом садясь…» – запел певец популярную «Ладу», подражая голосу модного певца Вадима Мулермана. Получалось неплохо. Так как девушек в офицерской компании почти не было (пара-тройка молодых жен выпускников – не в счет), желающие потанцевать направились в соседний зал. Кто-то из них вслух посетовал, что не надел офицерскую форму. Легче было бы девиц кадрить…

Полещук очнулся от приятных воспоминаний и поглядел на пассажиров. Работяги, приняв на грудь и вволю наговорившись, дремали, кое-кто читал газеты, некоторые смотрели в

иллюминаторы, одна из женщин подкрашивала губы, глядясь в маленькое зеркальце пудреницы. Сосед слева, откинув кресло, спал.

Появились стюардессы с тележками и приступили к раздаче «аэрофлотовских» коробок с едой. Полещук поискал глазами девушку, обещавшую налить ему вина, но та была далеко, в другом конце салона. Он глянул на часы: время, казалось, остановилось – посадка еще не скоро.

«Что на этот раз ждет его в Египте», – подумал Полещук, – где придется служить? Полковник-направленец в «десятке» сказал, что конкретное место работы определят непосредственно в аппарате главного военного советника, куда я поступаю в распоряжение референтуры. А это не есть хорошо. Потому что, скорее всего, все нормальные места уже забиты коллегами-однокурсниками, прибывшими в Египет раньше. Да, совсем некстати мама приболела, из-за чего пришлось оттянуть отъезд…

Хотя, какие, к черту, нормальные места в воюющей стране? Разве что в референтуре или вообще в Каире? С другой стороны, быть мальчиком на побегушках у какого-нибудь штабного генерала тоже не в кайф. Остается Суэцкий канал, фронт… Там все проще и понятней. Матушку только жалко, ежели что. Батя-то сразу врубился в ситуацию, особенно, когда боевую медаль увидел после моего первого вояжа в страну пирамид. Хоть я и сказал, что наградили за освоение новой боевой техники, он, старый вояка, конечно, не поверил. Да и не мог он поверить – газеты почти каждый день публиковали сообщения ТАСС о боевых действиях в зоне Суэцкого канала, не говоря уже об откровениях побывавших там офицеров, его сослуживцев.

Тем более, что и сам он год отбарабанил военным советником в Египте, вернулся накануне «шестидневной» войны. «Ты там повнимательнее, сынок, – говорил батя на прощанье, – налет авиации или артобстрел – ищи любую выемку в земле и мигом туда. Маме только, когда будешь писать – ни слова о войне. Сам знаешь, какое у нее здоровье…»

«Да что это я раньше времени задумываюсь? – Продолжал размышлять лейтенант Полещук. – В армии чем хорошо, как говорили отцы-командиры, думать не надо: построят – скажут.» Эта дурацкая фраза, весьма кстати пришедшая в голову, почему-то сразу его успокоила.

– Вам курицу или мясо? – Спросила знакомая стюардесса, как-то незаметно оказавшаяся рядом.

– Курицу, девушка. Кстати, вы не забыли про обещанное вино? Головушка-то так и раскалывается.

Когда стюардесса плеснула белого «сухарика» (красное уже выпили), Полещука неожиданно осенило: «Елки-палки, что же я за козел! Совсем забыл, что сеструха двоюродная, Катерина, добрая душа, прощаясь, сунула в мою сумку поллитру водки, мол, пригодится.» Полещук порылся в сумке и вытащил на свет божий бутылку «Столичной». Под взглядом хмурого соседа он откупорил бутылку и, выпив залпом вино, налил полстаканчика водки. Сосед, испепеляя Полещука взглядом маленьких глаз-буравчиков, молча следил за его действиями.

– Вам налить? – не выдержал Полещук, – извините, не знаю, как вас зовут.

– Нет. И вам, молодой человек, не советую.

– Чего это вдруг? – удивился Полещук, – лететь еще долго и вообще…

– С этих-то не стоит брать пример, – сосед кивнул головой в сторону работяг. – Вон уже лыка не вяжут.

– Ну, как хотите. На нет и суда нет.

Полещук выпил водку и приступил к коробке с едой. Закусив, налил еще полстаканчика. Сосед заерзал от возмущения.

– Я вам сказал, прекратите пьянствовать в общественном месте! Как фамилия? Где работаешь? – В голосе соседа по самолету появились металлические начальственные нотки.

– Да пошел ты на хер! Вова! – Неожиданно для себя сорвался Полещук и достал из пачки сигарету.

– Кто, я? Ты, щенок, знаешь, кто я? – Задохнулся тот от возмущения и попытался встать с кресла. Пассажиры с удивлением посмотрели на него и Полещука. – Я генерал Верясов! Заместитель старшего группы военных советников в Египте. – Сосед Полещука поймал взглядом появившуюся в проходе стюардессу. – Как фамилия этого пассажира?

Стюардесса, ничего не понимая, подошла к генералу.

– А что случилось?

– Вот этот молодой человек, точнее молодой негодяй, пьянствует и хамит мне.

– Откуда я могу знать его фамилию? – Стюардесса удивленно пожала плечами, и направилась по своим делам.

– Эй, мужик! Ты чего выступаешь? – У кресла выросла массивная фигура работяги Вани. – Че, нормальному человеку и выпить в самолете уже нельзя? Где написано?!

Генерал побагровел от ярости и уставился на Ваню. Сзади одобрительно зашумели проснувшиеся коллеги-собутыльники Ивана. Не найдя, что сказать, генерал, пыхтя, стал выбираться со своего места. Полещук встал и пропустил его, ненавидяще посмотрев на побагровевшие складки генеральского затылка.

– Давай, парень, к нам! – Ваня положил тяжелую руку на плечо Полещука. – И бутылку захвати. Закусь еще осталась, а горючее почти кончилось. Меня Иваном величают. В Асуан летим, на плотину…

Идя по проходу салона за широченной спиной, обтянутой выгоревшей на солнце ковбойкой, Полещук подумал, что стычка с генералом Верясовым, скорее всего, дорого ему обойдется в Каире. И не ошибся.

Глава вторая

На Суэцком канале вновь гремят залпы артиллерийских орудий. В переданном вчера агентством МЕН заявлении представителя командования вооруженных сил ОАР отмечается, что перестрелка, в которой принимали участие тяжелая артиллерия, танки и минометы, началась 3 августа в 22 часа 35 минут по местному времени в районе Аш-Шатта. Позднее она распространилась на Суэц, Порт-Тауфик и на район к югу от Горьких озер и продолжалась до 1. 55 мин. ночи.
(Каир, 5 августа, ТАСС)

Августовский Каир встретил одуряющей жарой. Жгучее африканское солнце едва просматривалось сквозь марево, но легче от этого не было. Над раскаленным асфальтом волнами поднимался горячий густой воздух, насыщенный всевозможными запахами, не поддающимися определению; жар, как из печки-каменки, шел отовсюду: от стен зданий, автомобилей, каменных тротуаров. Спасения от солнца не было даже в тени раскидистых акаций и пышных кустов тамариска…

Несмотря на ужасающее пекло, североафриканский мегаполис жил своей обычной жизнью. В потоках сигналящих на разные голоса ободранных автомобилей, казалось, начисто игнорировавших правила движения, сновали невозмутимые ослики, везущие тележки с овощами и фруктами; звенели медными тарелочками водоносы в галабиях, зазывая прохожих утолить жажду; с деловым видом шагали мелкие клерки, одетые по-европейски; стайки девушек в цветастых платьях разглядывали витрины магазинов, оживленно обсуждая увиденное; под тентами открытых кофеен сидели пожилые египтяне в бордовых турецких фесках с газетами в руках, некоторые курили кальян…

О том, что Египет находится в состоянии необъявленной войны, свидетельствовали лишь кирпичные стенки (для защиты от осколков)у входов в государственные учреждения и зенитные пулеметы на плоских крышах отдельных зданий. Как ни странно, в толпе прохожих людей в военной форме было совсем немного.

– Ну, вот и приехали. Уф, и жара же сегодня, – сказал, отдуваясь и вытирая платком пот, референт главного военного советника подполковник Белоглазов, когда ГАЗ–69, с трудом пробившись сквозь толчею автомобилей на вокзальной площади Рамзеса, остановился у гостиницы «Виктория». – Знакомое место, а, Полещук?

– Еще бы, – коротко ответил Полещук и потянулся к своему чемодану.

– Давай, старик, устраивайся, – Белоглазов выбрался из машины. – Сам-то сможешь или помощь нужна? Заявка на тебя у них, – он кивнул в сторону входа. – Оформляйся.

– Не проблема, Вячеслав Васильевич, – Полещук повесил на плечо сумку и взял чемодан. – А когда…

– Завтра в девять ноль-ноль будет машина, – ответил референт, догадавшись, что хотел узнать Полещук. – Прямиком в офис главного. Лично генерал-полковник Катушкин будет тебя распределять. Цени. А то, понимаешь, шлют сюда недоучек, вроде сегодняшних узбеков… По секрету скажу: работать будешь в главном штабе ВВС или ПВО. Но главный пока не решил. – Он многозначительно вытянул вверх указательный палец.

– Вячеслав Васильевич, а как с деньгами? – Вспомнил Полещук и поставил чемодан на землю.

– Деньги получишь завтра в офисе. Так сказать, подъемные. – Белоглазов забрался в машину и достал бумажник. – На тебе пять фунтей, завтра вернешь. – И он протянул Полещуку пятифунтовую банкноту. Все, до встречи. Дико тороплюсь, старик. Маа саляма![2]

В холле «Виктории» с прошлого года ничего не изменилось. Те же потертые мягкие кресла, журнальные столики, допотопный телевизор, надрывно гудящие старенькие вентиляторы, душный полумрак. И ни одного постояльца. «Интересно, куда подевались попутчики из Москвы? – подумал Полещук. – Кроме, понятно, работяг из Асуана. Наверное, всех отвезли в Насер-сити… Ну, оно и к лучшему: меньше народа – больше кислорода.»

Оформление много времени не заняло. Номер дали на втором этаже с окном, выходящим на шумную улицу Рамзеса. Полещук открыл деревянные, решетчатые ставни, выглянул наружу и тут же их закрыл – жара не спадала. Хотелось пить. Быстро приняв душ (о холодной воде можно только мечтать!), Полещук распаковал чемодан, переоделся и спустился в бар.

– О, мистер Искяндер, – протянул Полещуку руку бармен. – Аглян ва саглян![3] Хамдилля ас-саляма! Как дела? Надолго к нам?

– Салям, Махмуд! – Удивился Полещук памяти узнавшего его бармена: ведь через эту транзитную «Викторию» проходят сотни наших. Впрочем, для сотрудника местной контрразведки «мухабарат», каковым, без сомнения, уже давно являлся Махмуд, это была обычная работа: видеть, слышать, запоминать, общаться и давать информацию. – Иззейяк? Иззей сыхха?[4] Дай-ка мне, братец, пива, да похолоднее!

– Одна секунда, баш мугандис![5] – Махмуд метнулся к холодильнику, достал из него сразу же запотевшую бутылку египетского пива «Стелла» и поставил ее на стойку бара вместе с высоким стаканом.

– Как дела у мухабарат? – Спросил Полещук и улыбнулся.

– Мистер Искяндер, а при чем здесь мухабарат? – Ухмыльнулся бармен. – Наверное, неплохо. Но я к этой уважаемой и серьезной организации отношения не имею.

Полещук и Махмуд посмотрели друг на друга и рассмеялись. Обоим все было более чем понятно.

Потягивая «Стеллу», Полещук вспомнил забавный эпизод из рассказа отца о его проживании в «Виктории». Полковник Николай Полещук, человек наблюдательный и осторожный, однажды заметил, что в его вещах рылись, что-то искали. Недолго думая, он нарисовал на листах бумаги многозначительный кукиш (для него это было элементарно – природный дар и учеба до войны в Одесском художественном институте) и распихал рисунки в своих вещах. После этого никто к ним не прикасался. «Интересно, кукиш для арабов означает то же самое, что для нас?» – подумал Полещук. – «Или батю оставили в покое, потому что ничего не нашли?»

Пообщавшись с барменом, угостив его болгарской сигаретой и осушив бутылку весьма неплохого (в Союзе такого нет) пива, Полещук протянул Махмуду пятифунтовую банкноту.

– Денег не надо! – Поддельно возмутился бармен и улыбнулся в вороного цвета усы. – Клянусь Аллахом, обижаете, мистер Искяндер! Сегодня вы – мой гость.

– Ладно, Махмуд. Тогда давай еще одну «Стеллу», – нашелся Полещук, – за мой счет. Выпьем вместе.

Так и сделали. А ближе к вечеру, когда в баре стал собираться народ, Полещук, не испытывая ни малейшего желания с кем-либо еще общаться, расплатился за пиво, махнул бармену рукой и вышел на улицу прогуляться. Мысли его преследовали самые неприятные. Экзотика

---

[2] До свидания *(араб.)*

[3] Добро пожаловать! С приездом! *(араб.)*

[4] Как твои дела? Как здоровье? *(егип.)*

[5] Главный инженер (егип.), принятое среди простых египтян обращение к человеку, занимающему более высокое положение, или просто к человеку образованному.

египетской столицы от них совершенно не избавляла. «Генерал Верясов…» – крутилась в голове единственная фамилия, – «этот Верясов, если он действительно зам главного, непременно устроит мне веселую жизнь… С другой стороны, как говорится, „дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут…“»

– Товарищ генерал-полковник, лейтенант Полещук прибыл для дальнейшего прохождения службы. – Полещук вытянулся перед главным военным советником и мельком оглядел его кабинет. В глаза бросились портреты генсека Брежнева и президента Насера, висевшие на стене за креслом главного военного советника. Слева – карта Египта на арабском языке, над названиями крупных населенных пунктов их перевод на русский. Тактическими условными знаками обозначена дислокация египетских частей и соединений. Тихо шелестел кондиционер. После уличной жары в кабинете было прохладно.

– Здравствуй, лейтенант! – Высокий с военной выправкой мужчина в годах с характерным для человека, привыкшего повелевать людьми лицом, встал из-за стола, сделал пару шагов навстречу и протянул руку. Генеральские лампасы и погоны с тремя вышитыми канителью звездами, наверное, мог узреть любой офицер, несмотря на отсутствие оных на простеньком цивильном платье (белая рубаха с коротким рукавом и мешковатые черные брюки) главного военного советника. – Ждали тебя. Вашего брата, переводчиков, вроде много, а шлют сюда одно говно. А, Белоглазов?

– Так точно, товарищ генерал-полковник. Но и нормальные переводчики тоже есть.

– Есть на жопе шерсть! – Генерал Катушкин зло посмотрел на подполковника Белоглазова. – Только руководить ими нужно, как положено. А то шляются, знаете ли, по ночным кабакам, безобразия нарушают. Запомни, подполковник, железную истину: враг номер один – Израиль, а враг номер два – переводчик! Куда мы Полещука планировали?

– В главный штаб ПВО в группу генерала Сизарева, – Белоглазов повернулся к Полещуку. – Или к авиаторам. У них тоже нехватка переводчиков, товарищ генерал.

– Так, Дольский, думаю, пока обойдется. Там на английском парни шпрехают. А вот Василию Федоровичу Сизареву надо помочь. – Генерал Катушкин посмотрел на Полещука. – Справишься, лейтенант?

– Постараюсь, товарищ генерал-полковник! С пэвэошникамив прошлом году здесь работал…

– Кстати, у него медаль «За боевые заслуги», – добавил Белоглазов. Катушкин повернул голову к своему референту и, будто не услышав его слова о награде, смерил начальственным взглядом по-прежнему стоявшего навытяжку Полещука.

– Не постараюсь, а так точно! Учить вас надо уставам, офицеры хреновы.

Раздался осторожный стук в дверь и в кабинет заглянул дежурный офицер, одетый как все сотрудники аппарата – в белую рубашку с галстуком и чёрные брюки.

– Товарищ генерал-полковник, к вам генерал Верясов.

Но Верясов, бесцеремонно отодвинув оперативного дежурного, уже входил в кабинет.

– Разрешите, Иван Сергеевич?

– А, Владимир Борисович, заходи, – главный военный советник привстал со стула, пожал руку Верясову и указал на стул рядом с собой. – Садись, генерал. Как там Москва?

Но Верясов, не отвечая на вопрос главного, не сводил глаз со стоявшего навытяжку Полещука.

– Ага, попался-таки! Сукин сын! – Верясов повернулся к ничего не понимавшему генералу Катушкину. – Вот, полюбуйтесь, Иван Сергеевич, на молодого охламона и пьяницу. – Как фамилия?

– Лейтенант Полещук, товарищ генерал. Переводчик арабского языка, выпускник ВИИЯ. – Полещук опустил голову вниз, поняв, что сейчас сбудутся его самые мрачные предчувствия.

– Откомандировать в Союз! – Лицо Верясова пошло красными пятнами. – В двадцать четыре часа! – Громко зарычал он, срываясь на крик. – С соответствующей характеристикой… Молокосос!

– Погоди, Владимир Борисович, – прервал Верясова главный военный советник, – не кипятись. Доложи, что случилось.

Верясов коротко рассказал генералу Катушкину об инциденте в самолете, максимально сгустив краски. После его рассказа самым подходящим местом для Полещука оставалась, видимо, только исправительная колония строгого режима. Попытки Полещука вставить хотя бы слово натыкались на генеральский рык «молчать!» И лейтенант замолчал. Подполковник Белоглазов, непрерывно вытиравший пот (хотя в кабинете было скорее холодно, чем жарко), промямлил что-то о дефиците кадровых переводчиков и о боевой медали, но тоже замолчал, нарвавшись на нецензурную реплику генерала Верясова.

– Охолонь, замполит, – остановил своего заместителя главный военный советник. – Мне все ясно. Вернее, ни х… я не понял. Он что, надрался с работягами, а потом хотел тебе морду набить? Херня какая-то! Генерал Полещук на курсах «Выстрел»[6] кем тебе приходится? – неожиданно спросил он Полещука. – Отец?

– Никак нет, товарищ генерал-полковник. Однофамилец. На «Выстреле» два Полещука. Мой отец Николай Иванович, полковник. Преподаватель тактики и оперативного искусства. А второй Полещук – Илларион Иванович, генерал-майор. На «Выстреле» все считали, что они братья…

– Хреново же воспитал тебя отец, – встрял генерал Верясов. – Молодой человек, а хамишь генералу… Все вы там в ВИИЯ блатные… Институт блата и связи имени Биязи!

– Владимир Борисович, дай договорить, – прервал своего заместителя генерал Катушкин и, раздражаясь, хлопнул ладонью по столу. – Полковник Полещук… Полещук… Николай… Батя воевал?

– Так точно, товарищ генерал, – Полещук, наконец, поднял голову и посмотрел на главного. – До Берлина дошел. 312-я стрелковая дивизия, начальник штаба полка. Кажется, первый Белорусский фронт…

– Все, вспомнил. 312-я Смоленская… – Генерал Катушкин перевел взгляд с Полещука на своего заместителя по политической части. – Майор Полещук. Краков брали вместе, соседями были. Их дивизия восточнее наступала. Боевой офицер… – Генерал замолчал, видимо, вернувшись мысленно в те далекие военные годы. – Так, объявляю свое решение. В Союз, лейтенант, не полетишь. Будем тебя здесь перевоспитывать. Отставить группу генерала Сизарева, – ты, подполковник, записывай, – Катушкин глянул на Белоглазова, – на передний край его, на фронт, к евреям поближе. В пехотную бригаду поедешь. – Генерал на мгновение задумался. – Хотя, какая на х… й, бригада? Батальон – самое тебе место! Чтобы служба медом не казалась… Да перед Владимиром Борисовичем извинись. Всего-навсего лейтенант, а уже борзой до… – Не закончив фразу, Катушкин встал со стула и громко скомандовал – Выполнять! Чтобы завтра же был на канале!

Полещук вздохнул с облегчением: ТуркВО, вдруг «засветивший» со страшной силой, пока, похоже, перебьется без него. «Дальше фронта не пошлют… – вспомнил Полещук, – батальон так батальон…»

* * *

Вся жизнь Саши Полещука была связана с армией. Родился он в Заполярье, где служил его отец, получивший туда назначение после курсов «Выстрел». Как понял Саша много позже,

[6] Высшие общевойсковые курсы офицерского состава. Располагались в г. Солнечногорске Московской обл.

блестящая офицерская карьера его отца, майора Полещука, этим назначением дала трещину. Встретив войну сержантом срочной службы под Москвой, он, крестьянский парень из глухого украинского села в Сумской области, проявил недюжинный военный талант, быстро стал офицером, достойно воевал, был дважды ранен, заслужил пять орденов и дошел до столицы рейха. Там, в Берлине, бравый майор познакомился с будущей матерью Саши, смуглолицей красавицей-хохлушкой с примесью молдавских кровей, лейтенантом-военврачом с редким именем Василиса. Брак они зарегистрировали в Карлсхосте.

Перспективы у майора Полещука были самыми радужными: в то время, когда шло массовое послевоенное увольнение офицеров, его, как перспективного командира, оставили в армии и направили учиться на «Выстрел». И неожиданно, после окончания курсов такое нелепое назначение – на границу с Норвегией, да еще и на маленькую должность заместителя комбата. Самолюбие майора Полещука чья-то вышестоящая воля просто раздавила: ведь к моменту окончания войны он был уже начальником штаба полка, можно сказать, правой рукой командира. А тут – Никель, Печенга, северное сияние… Холод, полярная ночь, безысходная тоска… И стремление, несмотря ни на что, сделать офицерскую карьеру сначала, но уже без войны.

…Время от времени майор вспоминал то, что всячески скрывал не только от особистов[7], но и от всех: прошлое своего отца Ивана Ефимовича Полещука. А Иван Полещук, призванный в армию в конце Отечественной войны в качестве обозного бойца, был не просто украинским крестьянином. Он был унтер-офицером царской армии, прошедшем всю Первую мировую войну. Сам генерал Брусилов летом 1916 года прикрепил на его мундир третий Георгиевский крест. Вспоминать об этом было нельзя, серебряные кресты сдали в голодные 30-е в скупку, документы уничтожили. Слава Богу, никто из односельчан не предал Ивана Ефимовича…

Воспоминания раннего детства у Саши самые смутные, но в них всегда присутствовали офицерские мундиры, оружие, казарма, солдаты, запах портянок и махорки. И еще застолья, во время которых, его, маленького пацана, не знали, куда девать. Однажды, в тундре, к кустам, где оставили трехлетнего Сашу, подошел медведь, дожрал остатки пиршества и начал его облизывать. Удовольствие прервали выстрелы и дикие крики. Медведь ретировался. Потом орава выпивших офицеров и их жен едва не задушили его, маленького, в радостных объятиях. Он заплакал, не понимая, что произошло. Где были родители, Саша не помнил.

Затем была Москва с детским садиком академии Фрунзе, в которой учился его отец, отвратительная на вкус черная икра на завтрак, редкие визиты родителей, потчевавших его летом клубникой и любимой по Северу сгущенкой – зимой. Из садика его забирали в субботу, и каждый раз для него это был настоящий праздник.

В детских воспоминаниях Саши осталась огромная московская коммуналка и он с парадной шашкой отца, удивляющий на кухне соседей. В память врезалась демонстрация на Красной площади, куда повел его отец, в тот раз почему-то не участвовавший в военном параде. «Смотри, сынок, это – Сталин, – сказал отец, подняв Сашу на плечи, когда они проходили мимо мавзолея. – Видишь, вот тот с усами…» Саша узнал вождя сразу, так как большой портрет Сталина висел в детском садике.

В Москве родилась его сестричка, Наташа, после чего все внимание родителей переключилось на нее. Тогда Саша еще не осознавал причину этого, обижался и капризничал. Ему пытались объяснить, что его сестричка слабенькая и больная, ее нужно жалеть и помогать. Саша не понимал, грубил маме, и его наказывали, шлепая по попе и ставя в угол…

А потом были военные гарнизоны на Украине, вначале в Славуте, где отец служил заместителем командира полка, и во Владимире-Волынском, где он командовал стрелковым полком. Славута, а точнее, отцовский полк, запомнилась Саше тем, что он там дневал и даже

[7] Особисты – сотрудники особых отделов военной контрразведки КГБ

ночевал. Мама была всецело занята больной сестренкой, а его поручили солдатам. Бойцы с удовольствием возились с сыном зама комполка, сшили ему военную форму, стачали маленькие хромовые сапоги, и втайне от офицеров учили обращаться с карабином и автоматом. Все это Саше очень нравилось.

Но особенное впечатление на него произвели полковые учения с боевой стрельбой, на которые его однажды взял отец. С замиранием сердца Саша смотрел на рычащие танки и солдат, бегущих за ними с автоматами. Шум машин, грохот настоящего сражения, крики командиров, суровый взгляд отца, что-то говорящего по рации – приводили Сашу в телячий восторг…

К большому разочарованию, военные приключения закончились, когда он пошел в первый класс. Учеба давалась Саше легко, он быстро делал уроки, хватало времени и на игры, и на походы на стрельбище, где он с пацанами выискивал пули, из которых они потом выплавляли свинец. Один раз с отвисшим от тяжести пуль карманом пальто попался отцу и был нещадно выпорот офицерским ремнем.

Во Владимире-Волынском его ждали приключения другого рода. Древний городок на западе Украины оказался до предела наполненным тем, о чем может мечтать любой мальчишка. Старинные польские костелы с подземными ходами, ведущими неизвестно куда, клады монет, поржавевшие рыцарские мечи и шлемы, а главное, что еще больше терзало воображение – нескончаемые рассказы пацанов о сундуках с золотом и драгоценностями, которые якобы кто-то видел в подземельях города. Их искали постоянно, бесстрашно забираясь с фонариками в разломы подземных ходов, но ничего не находили. Понятно, что на время Саша потерял былой интерес к военной службе отца, его стрелковому полку и к современному оружию.

Впрочем, не совсем. Пару-тройку раз, улучив момент, когда дома никого не было, он брал отцовскую мелкокалиберку и стрелял по воронам, стаи которых сидели на высоких деревьях. Возмущенные соседи сообщили отцу и, как доказательство, притащили несколько убитых птиц. Наказание – офицерский ремень, не замедлило себя ждать. Порку Саша перенес молча, но, даже понимая, что отец прав, затаил на него жгучую обиду…

В Солнечногорске, куда полковника Полещука перевели на преподавательскую должность на курсы «Выстрел» (перспективная должность замкомдива накрылась «медным тазом» после нелепой гибели на учениях двух солдат из его полка), Саша пошел в девятый класс. В классе был культ военных: абсолютное большинство ребят оказались из офицерских семей и грезили военными училищами. Саша легко вписался в их среду и скоро уже тоже не представлял себя после школы вне армии. Вторым культом мальчишек был спорт. Летом – футбол, зимой – хоккей с шайбой. И еще походы на лодках по красивейшему озеру Сенеж, начиная с первых солнечных майских дней.

Упорные занятия культуризмом по системе некоего модного Вейдера, почерпнутой из какой-то московской газеты, которой увлеклись ребята, а также жесткие сражения на хоккейной площадке, сделали свое дело. К окончанию школы Саша превратился в мускулистого уверенного в себе юношу, перворазрядника по стрельбе, внешне мало похожего на отца, но очень – на мать. Вообще, человеку постороннему облик этого 17-летнего смуглолицего губастого мальчишки никогда не наталкивал на мысль, что в его жилах течет украинско-молдавская кровь. Об этом никто, и, разумеется, сам Саша, до поры до времени не задумывался. Лишь потом, спустя несколько лет, стало понятно, что природа и Господь Бог распорядились сделать так, что в определенных ситуациях он почти не отличался от араба. Это, конечно, было много позже…

Саша Полещук довольно легко поступил в Военный институт и его первым языком стал арабский…

* * *

Военный атташе посольства СССР в Каире полковник Сергей Иванов еще раз прочитал шифровку из Центра и задумался. Было над чем задуматься ему, резиденту Главного разведывательного управления советского Генштаба: Москва сообщала о том, что некий Мирван Хасан посетил посольство Израиля в Лондоне на Грин-Палас и имел контакт с сотрудником израильской разведки «Моссад». А египтянин этот, по имеющимся данным, якобы является каким-то родственником самого президента Египта Гамаля Абдель Насера. И Центр приказал Иванову проверить эту информацию.

Кадровый разведчик Иванов прекрасно понимал, чем вызван интерес ГРУ к личности египетского гостя израильтян. Ведь если этот Хасан действительно родственник Насера, ему, возможно, доступна секретная информация о советско-египетских военных контактах, в первую очередь, о поставках Египту современного оружия и техники.

«Этого еще не хватало, – размышлял Иванов, закурив сигарету, – мало нам головной боли с американскими Ф–4 („Фантомами“), которыми озадачил Центр. Кровь, мол, из носу, ройте землю, но добудьте любую электронику самолета. А как ее достать? Тем более, что самолеты, похоже, еще не поступили на вооружение Хель Авир.[8] Там, в Центре опережают события: ни один „Фантом“ в воздухе над Египтом пока не замечен. Вот и ломаем головы которую неделю. Операция „Железо“, черт бы ее побрал… – Иванов взял со стола шифровку. – Мирван Хасан. – Надо искать контакты в окружении Насера и военного министра генерала Фавзи. Иначе никак…»

Размышления резидента прервал стук в дверь. Иванов загасил в пепельнице окурок, положил в сейф шифровку, закрыл его и повернулся к двери.

– Да. Войдите! – Дверь кабинета приоткрылась, и в проеме появился майор Валерий Озеров, старший оперативный офицер резидентуры, работающий под крышей торгпредства.

– Разрешите, Сергей Викторович?

– Заходите, Валерий Геннадьевич. Присаживайтесь. Что у вас?

– Хотел доложить, что с диппочтой со вчерашним самолетом из Москвы нам ничего не было.

– С опозданием докладываете, Валерий Геннадьевич, – Иванов нахмурил брови. – Я уже в курсе, посольские доложили.

– Извините, замотался вчера. Две встречи по явке…

– Ладно. Что еще?

– Вернулся из отпуска генерал Верясов. Говорят, злой как черт. И тем же рейсом прибыли четыре новых советника. Все в войска ПВО. Плюс три переводчика с арабским.

– Кто такие? Опять, наверное, Азербайджан?

– Да, нет, Сергей Викторович, хуже – Узбекистан. Двое. Третий – кадровый: лейтенант Полещук. Кстати, знаю его по институту, немного преподавал практику языка в его группе.

– Перспективный?

– Думаю, в принципе, да. Но…

– Что но? Надо использовать.

– Не получится, Сергей Викторович. Его направили в пехотный батальон куда-то под Суэц.

– Странно. Кадрового офицера-арабиста в пехотный батальон? Туда же обычно двухгодичников отправляют… Ладно, Бог с ними, переводчиками. Давайте, Валерий Геннадьевич, к нашим баранам. Что сообщает агентура?

---

[8] ВВС Израиля *(иврит)*

Глава третья

Ожесточенная перестрелка с применением тяжелых видов оружия возникла вчера во второй половине дня между египетскими и израильскими войсками в зоне Суэцкого канала, говорится в заявлении представителя командования вооруженных сил Объединенной Арабской Республики, переданном агентством МЕН. В заявлении отмечается, что перестрелка началась в северном секторе канала в районах паромной переправы № 6 и Исмаилии в 13 часов 15 минут по местному времени. Около 16 часов она прекратилась, после того как египетская артиллерия подавила ряд огневых точек противника.
(Каир, 14 августа, ТАСС).

Выполнить приказ генерала Катушкина оказалось совсем непросто. Лишь через два дня Полещука перевезли из гостиницы «Виктория» в пригород Каира и разместили в Насер-сити–3, одном из недавно построенных 11-этажных домов, за которым начиналась пустыня. Четыре высотки почти целиком были заселены советским людом: военными специалистами, советниками, переводчиками, семьями. Чуть дальше, практически в пустыне, вовсю шло строительство еще двух таких же высоких жилых домов.

Относительно недалеко от комплекса Насер-сити находился один из фешенебельных районов египетской столицы – Гелиополис. Впрочем, местные жители, далекие от знания греческого языка, называли его не «Городом Солнца», а Новым Каиром.

В отличие от утопающего в зелени Гелиополиса с его шикарными виллами, кинотеатрами, ресторанами, ночными клубами, магазинами и лавками, неоновой рекламой крупных фирм Насер-сити выглядел весьма скромно, если не сказать, бедно. Голыми истуканами высились дома современной постройки, посередине которых, рядом с дорогой, теснилось несколько одноэтажных строений, окруженных чахлым кустарником. В этих строениях размещались лавки со всякой всячиной и пара-тройка кафешек. Под полотняными тентами на пятачке возле лавок торговали овощами и фруктами.

– В четверг, то бишь завтра, ближе к вечеру, подъедут хабиры[9] из твоей 6-й бригады, – инструктировал Полещука на прощанье подполковник Белоглазов. – Найдешь старшего переводчика Кузакина, кстати, тоже Александра, который представит тебя бригадному. – Референт почесал затылок. – Запамятовал, как его зовут. Да, неважно. А в субботу вместе с ними поедешь в бригаду.

– Вещи с собой или оставить здесь?

– Возьми самое необходимое. Ну, там мыло, бритву, словари… Короче, тебе Кузакин объяснит. Он мужик тертый, второй год заканчивает. Остальные вещи оставишь в своей комнате. Будешь приезжать сюда на выходные. – Белоглазов обвел глазами голый, с обшарпанными стенами, холл нового временного жилья Полещука. – Да, Верясову постарайся не попадаться в офисе главного. Ты для него теперь как красная тряпка для быка.

– Вячеслав Васильевич, ей Богу, ничего такого в самолете не было.

– Ладно, замнем, старик. Послал и послал. Этого чудака на букву «эм» давно пора гнать отсюда сраной метлой. Всех достал. Ребята на канале гробятся, а он, хряк, сертификаты желтые складирует[10]. Экономит на всем… Позорище. Хоть бы какая польза была от него, так нет –

---

[9] Специалисты *(араб.)*

[10] Сертификаты «Внешпосылторга» являлись платежным средством в валютных магазинах «Березка» в Москве и столицах союзных республик. Работая за рубежом, советские специалисты получали на руки зарплату в местных деньгах, часть которой обменивали на сертификаты. В зависимости от страны пребывания эти сертификаты имели цветные полосы: синие – для стран соцлагеря, желтые – для развивающихся, включая Египет, и т. д. Советские загранработники, шутя, говорили, что

одни нравоучения. – Белоглазов встал с продавленного кресла и подошел к окну, закрытому ставнями-жалюзи. – Не скучай, Александр. Скоро здесь народ соберется, будет повеселее…

– В город-то можно смотаться? А, Вячеслав Васильевич?

– Одному не стоит. Правила поведения советских граждан… Сам знаешь. Вот переводяги подъедут, смотаешься с ними. Только я тебя умоляю – никаких кабаков. На волоске же висел. Чуть что, вышлют в Союз. Как пить дать. Помнишь, что выдал Катушкин про врага номер два?

– Еще не забыл.

– Повезло тебе, что он отца твоего вспомнил. Ладно, бывай. – Он посмотрел на свои наручные часы. – Пора мне. Удачи тебе там, на канале… Ага, вот и народ подходит. – Белоглазов повернулся на звук открываемой двери.

Третья полевая армия занимала оборону на огромном пространстве от Большого Горького озера до Красного моря. Это все, что знал Полещук относительно будущего места службы. «Эх, надо было у Белоглазова уточнить, где находится эта 6-я пехотная бригада», – подумал он, – «не иначе „у черта на куличках“. Все лучше, чем в ТуркВО – все-таки заграница…»

И Полещук вспомнил свое двухмесячное пребывание в учебном центре ПВО в городе Мары: ослепительное солнце, грязные арыки, мутный Мургаб, ненавидящие взгляды пожилых туркмен в лохматых бараньих папахах, лагман и вкуснейшего жареного на углях толстолобика… Почему-то именно это запомнилось Полещуку больше всего, а не изнурительная переводческая работа в учебных классах и на раскаленных солнцем пусковых установках. «Вот привязалась Туркмения, чтоб ей пусто было», – подвел он итог своим размышлениям, – «надо сходить перекусить. Там, на пятачке, кажется, куфту[11] готовят. Это вам не люля-кебаб в ресторане „Арагви“ …Интересно, пиво там продают?» Полещук взял с журнального столика ключ от квартиры и направился к лифту…

– Полещук! Щука! – Услышал Полещук знакомый голос Сереги Лякина, дружка-однокурсника, и едва узнал его, облаченного в египетскую полевую форму, местами темную от пота. Только серо-голубые глаза да пшеничные усы на загорелом лице с шелушащимся от солнечного ожога носом выдавали его неарабское происхождение.

– Щука, твою мать, ты чего, уже своих не узнаешь? – Сказал Лякин, подходя к столику, за которым Полещук приканчивал куфту, запивая ее «Стеллой». – Ору, ору, а он – ноль внимания. – Друзья обнялись.

– Давно здесь? В смысле в Египте. – Лякин пододвинул стул, снял пропотевшее офицерское кепи цвета хаки, присел рядом и вытащил из нагрудного кармана пачку «Клеопатры».

– Меньше недели.

– Эй, Мухаммад! – Лякин повертел головой в поисках араба. – Тот, выскочив из своего закутка, уже торопился к столику. – Неси еще пару бира[12] и куфту! Фавран! – мигом! – Араб кивнул головой: «Хадыр, эфендем!»[13] и бросился выполнять заказ. Серега зажег сигарету. – Ты чего, еще не перешел на местное курево? – Удивленно спросил он, увидев, что Полещук закуривает «БТ». – На, кури! «Клеопатра» вкуснее.

– Успею еще. Надо «болгарию» закончить. Где служишь-то, Серега?

– В 19-й танковой, переводчик дивизионного советника. Вторая полевая армия.

– Далеко от Каира?

человеку, придумавшему такую систему, нужно при жизни поставить памятник из чистого золота – ведь вся твердая валюта, поступавшая в Советский Союз в оплату труда специалистов на протяжении многих лет, почти полностью оставалась в распоряжении государства.

[11] Арабское блюдо типа люля-кебаб.

[12] Пиво *(араб.)*

[13] Слушаюсь, господин *(егип.)*

– Сто километров к каналу, севернее Исмаилии. Ага, вот и «Стеллу» несут. – Лякин взял мокрую бутылку пива из рук Мухаммада и наполнил стакан. – Подставляй посуду, Саня, плесну холодненького. Ты мне скажи, чего тормознулся в Союзе? Все наши давно уже здесь.

– Матушка внезапно приболела, пришлось задержаться. Давай за встречу! – Полещук поднял свой стакан с пивом и чокнулся с Лякиным.

– Это несерьезно, Щука! – Лякин залпом осушил свой стакан и вытер рукой усы. – Ну, да ладно. Сегодня среда, повременим. А завтра наши подгребут после обеда, отметим, как положено. Водяру-то еще не всю оприходовал?

– Пока нет. – Полещук затянулся сигаретой и посмотрел на приближавшегося к столику араба с дымящейся куфтой на шампуре. – Вон, куфту тебе несет… А я, Сережа, чуть обратно в Союз не вылетел… – К соседнему столику подошли два молодых египтянина и Мухаммад направился к ним.

– Да, ты что? Не свисти, Полещук! – Лякин оторвался от своей куфты и плеснул в стакан пива. – Давай, рассказывай.

И Полещук откровенно поведал другу-однокурснику о стычке с генералом Верясовым и о том, что вместо Каира его решением главного советника направили в пехотный батальон на Суэцкий канал. Лякин слушал рассказ Полещука и усмехался в пшеничные усы.

– Чего здесь смешного, Серега? – Не выдержал Полещук. – Я же мог так загреметь под фанфары!

– Да, потерял ты, Щука, бдительность. Это ж надо быть таким ослом, чтобы не разглядеть в этом борове генерала. Точнее, генеральского замполита… А по большому счету тебе повезло. И нех… й расстраиваться.

– С чего ты взял, что я расстраиваюсь? – Полещук допил пиво и вытащил из мятой Серегиной пачки сигарету с голубым фильтром. – Кстати, ты не в курсе, где эта шестая бригада находится?

– Погоди. – Лякин задумался. – Третья полевая армия, говоришь?

– Ага. Третья.

– Номер дивизии не знаешь?

– Нет.

– Тогда точно не знаю. Кажется, где-то в районе Суэца… А может, и нет. Вот бойцы наши подъедут, кто-нибудь точно знает. Тебя в каком доме поселили?

– Вот в этом. Насер-сити–3.

– Значит, соседи. Я тоже в нем обитаю, – Лякин поднялся со стула. – Пошли, Саня! Я грязный и потный, как собака, под душ хочу, умираю.

– Серый, собаки не потеют…

«Айс кри-и-м!», протяжно кричал разносчик мороженого; парнишка-зеленщик нагружал овощами корзинку, спущенную на веревке с балкона третьего этажа; стайка чумазых ребятишек окружила тележку торговца жареными орешками и печеным сладким картофелем-бататом. Водитель такси, остановив машину возле киоска с прохладительными напитками и сигаретами, утолял жажду маленькой фигурной бутылочкой «Кока-Колы», с интересом наблюдая за дерущимися воронами. Откуда-то доносилась рекламная песенка стирального порошка «Рабсо». «Жизнь идет своим чередом, – подумал Полещук, – даже в такую жару…»

Вечером, когда жара немного спала, Полещук и Лякин взяли такси и поехали в Гелиополис. По улицам, отдыхая от постепенно уходящего зноя, фланировала разношерстная египетская публика. На одной из красивых улочек – Султана Селима, недалеко от кинотеатра «Рокси», зашли в винную лавку (типа нашей рюмочной), хозяином которой был египтянин средних лет по прозвищу Майор. Неизвестно, служил ли он действительно в армии майором или просто «вешал лапшу на уши» русским переводчикам. Лавка эта пользовалась большой популярностью среди переводяг по одной простой причине: стакан египетского бренди (или

чего-то напоминавшего этот напиток) стоил всего 15 пиастров (как бутылка пива «Стелла»). Потому-то и прозвали эту дешевую, но крепкую брендяшку – «хамасташар»[14].

Угостились «хамасташаром», поболтали с Майором. Отказавшись от предложенной хозяином лавки сигареты с гашишем, пошли гулять по улицам Гелиополиса, разглядывая богатые виллы за высокими ажурными заборами – райские уголки египетских богатеев, пялясь на неоновую рекламу и заходя в попадавшиеся по пути магазины. В обувной лавке, поторговавшись и выслушав комплименты («О, мистеры красиво говорят на арабском!»), купили Полещуку кожаные офицерские полусапожки, самую удобную обувь для пустыни. (Под полевую форму, которую ему выдадут в бригаде.) Пришлось вернуться к Майору, где обновку обмыли, выпив еще по стакану «хамасташар» и закусив прилагаемой к каждой порции бренди бесплатной конфеткой. В вечерней духоте оба прилично захмелели. В Насер-сити вернулись поздно…

– Кузакин, – назвал свою фамилию жилистый, выше среднего роста молодой человек, на взгляд – лет 27–28. Протянул руку Полещуку и добавил. – Александр.

Полещук представился, тоже коротко.

Что бы там не говорили, существует некое переводческое братство, вне зависимости от языка, учебного заведения, возраста, воинского звания и многого другого. Особенно за рубежом, например, здесь, в Египте, когда всем переводчикам приходится работать и общаться с военными советниками, людьми, гораздо старшими их по возрасту. Разные поколения – разные интересы и пристрастия. Вплоть до антагонизма.

Еще бы. В большинстве своем 50-летние полковники, военные советники и специалисты, относились к пацанам-переводчикам как к обслуживающему персоналу, а в переводческой среде слово «хабир» стало почти нарицательным. Почему? Да потому, что, оказавшись в первый (а, возможно, в последний и единственный) раз за рубежом, многие представители хабирского сословия экономили буквально на всем, включая питание, дабы накопить денег на вожделенную «Волгу». При этом они про себя завидовали молодым парням, владеющим иностранными языками, чувствовавшим себя в Египте «как рыба в воде», и не жалеющим местной валюты на развлечения и дорогие покупки. Ведь это загранка для них не последняя.

Ни Полещук, ни Кузакин не относились к категории хабиров, поэтому общий язык нашли быстро. Правда, поначалу старший переводчик бригады с высоты своего египетского опыта вел себя с «салагой» Полещуком немного суховато.

Кузакин загремел в армию переводчиком английского языка сразу после окончания МГУ. Несколько месяцев работал в учебном центре в Краснодаре, а потом был откомандирован в Египет, где сейчас вышел на дембельскую прямую: тянуть лямку на канале ему оставалось всего ничего. Закурили.

– Я в курсе насчет тебя, Полещук, – сказал Кузакин, прищуриваясь от попавшего в глаза табачного дыма. – Заезжал в аппарат за почтой и пообщался там с Белоглазовым. – Полещук промолчал, не зная, что именно выдал Кузакину референт главного. – Слава Богу, хоть одного кадрового арабиста дали, а то присылают одних студентов. Короче, будешь работать в батальоне подполковника Сафвата с его советником Чапаем…

– Чапаевым?

– Да нет, с Хоменко Василием Ивановичем. Чапаем мы его за глаза называем. Тоже подполковник, как комбат, войну Отечественную прошел… В общем, познакомлю. Не знаю, зачем ему переводчик – Сафват не хуже нас с тобой лопочет на русском.

– На кой хрен я тогда ему нужен?

– Вот ты его и спросишь. Ноет уже полгода: с командирами рот, мол, невозможно работать, с бойцами общаться на предмет правильного оборудования ячеек для стрельбы, отрывки траншей и прочей мутоты… – Кузакин от возмущения махнул рукой. – Но ты, Саша, не питай

[14] Пятнадцать *(араб.)*

особых иллюзий насчет ничегонеделания – Чапай тебя загрузит работой по уши, да и я буду время от времени дергать в штаб бригады и в подразделения…

– Александр, а где бригада-то располагается?

– Южнее города Суэц, вдоль залива, но не у самой воды конечно. А живем мы в поселке Рода. Курорт!

– Это шутка? – Полещук неподдельно удивился.

– Почему шутка? Чистая правда. – Кузакин заулыбался. – Нормальные коттеджи среди бананов и фиников, на самом берегу Суэцкого залива. Купайся – не хочу! Времени, правда, на это не хватает. Да и мины там противодесантные. Места знать надо…

– Евреи-то не беспокоят? – Полещук затушил окурок сигареты и выковырял из пачки еще одну. – Мне знакомые переводяги говорили, что неспокойно сейчас в зоне канала…

– Канал большой… Постреливают из орудий кое-где. Ну, там десанты высаживают, бомбят иногда. Нас пока Бог миловал.

…Из многочисленных однокурсников Полещука в Насер-сити подъехали только Саша Блоцкий, Витя Сажин и Леша Агарышев. С трудом удалось отбрыкаться от генеральской жены Сереже Лякину, которого та упорно тащила с собой на рынок за покупками. Приезд Полещука решили отметить впятером. Предложение Полещука насчет участия Кузакина понимания не нашло: будут только свои, мало ли что. «Мы твоего Кузакина не знаем, – сказал Сажин, – так что обойдемся без него. Да и ты, Щука, толком не знаешь этого „пиджака“. Стукнет еще…»

Сбегали в ближайшую аптеку за спиртом, купили огурчиков-помидорчиков, несколько банок рыбных консервов и пару лепешек. Бутылку водки Полещука прикончили в два счета, потом приступили к спирту, разбавляя его кто водой, кто «Кока-Колой». (Этот напиток бурого цвета называли «Спирто-Колой».)Изнывая от жары, усугубляемой выпивкой, разделись до пояса. Но и это не облегчило добровольных страданий: пот буквально стекал по обнаженным телам парней, задерживаясь на поясе брюк, темнеющих от влаги.

В процессе застолья Полещук получил от друзей исчерпывающую информацию об особенностях работы в войсках, боевых действиях на канале, а также о нескольких ночных клубах в Каире, посещать которые более-менее безопасно. В том смысле, что в них не заглядывают сотрудники нашей контрразведки. Так, по крайней мере, думали переводчики.

– Ты, старик, не ссы, – покровительственно похлопывая по плечу Полещука говорил Сажин. – Мы уже успели все разведать, плохого не посоветуем.

– Витя, Аллах с тобой, я – что – первый день «замужем»? Хоть и недолго, но в Египте пожил, в кабаках, правда, не был. Но… Ты на меня посмотри: смуглый, черноволосый, усатый… В арабской галабийе меня ни один особист не вычислит.

– Ага, – вмешался в разговор Лякин, – но в такой одежке тебя в нормальный найт-клаб не пустят…

– Пацаны, может, махнем попозже в «Аризону», – предложил Блоцкий. – Ты как, Щука? Или поближе, в «Мэриленд», а? Там в десять программа начинается.

– Поехали, поехали! – Обрадовался Лешка Агарышев, весь вечер пребывавший в подавленном настроении из-за недавно перенесенной бомбежки. – Надо развлечься, а то… – Он не договорил, но все поняли, почему Леху тянет на ночные приключения.

– Не, ребята, я – пас, – ответил Полещук. – Мафишь фулюс[15], маловато мне подъемных дали…

Выяснилось, что денег на ночной клуб не хватает у всех. Допив мерзкую «Спирто-Колу», отправились спать…

Половину пятницы, мусульманского выходного дня, провели в бассейне спортивного клуба Гелиополиса, месте давно уже облюбованном переводчиками, не жалеющими денег на

[15] [15] Нет денег *(егип.)*

входной билет и пару бутылок пива. Отмокали в голубой воде, цедили «Стеллу» под зонтиками, трепались, разглядывали женщин-европеек. Египтянок там не было, и быть не могло. Шариат!

Полещуку, однако, повезло. Споткнувшись об шезлонг, на котором дремала симпатичная девушка, он чертыхнулся, и тут же извинился: «Sorry, miss!»[16] – Девица открыла глаза, и Полещук пропал – она была удивительно красива, в темно-карих миндалевидных глазах вообще можно утонуть. – Hi! Do you speak English?[17] – спросила девушка, вставая с шезлонга и грациозно потягиваясь. Познакомились. При этом Полещук спиной осязал взгляды коллег, безусловно, завидовавших этой его неожиданной удаче. Тэта Эстатопуло оказалась гречанкой, работавшей в авиакомпании «Олимпик» миллиардера Аристотеля Онассиса, мужа Жаклин Кеннеди. Это была та еще тема для разговора.

– Как там Джеки? – Спросил Полещук. – Еще не вытрясла из Онассиса его миллионы?

– Еще нет, – засмеялась Тэта. – Но Аристотель уже в трансе: расходы на американскую жену неимоверные. Говорят, что спорят они ужасно. Ах, какое нам дело до их миллионов…

Тэта, в отличие от других европеек, как правило, сторонившихся русских, болтала с Полещуком так, как будто знала его сто лет.

– Александер, – щебетала она, – ты первый русский парень, с которым я познакомилась… Сначала подумала, что ты египтянин. Мне так удивительно.

А Полещук смущался. Он смущался от того, что за каждым его движением наблюдали друзья-коллеги, наверняка грубовато, по казарменному, комментирующие этот флирт; он смущался откровенных взглядов Тэты на его грудь, поросшую волосами, и ее прямолинейных высказываний: «Александер, волосы на теле – это так сексуально…» Гречанка была безумно хороша с ее безупречной фигурой, и сводящими с ума темно-карими глазами на чуть загорелом (или таком от природы) лице. Полещук смотрел на Тэту влюбленными глазами, балдея от ее прелестного тела, едва прикрытого купальником «бикини»; он смотрел на ее красиво очерченные губы, каштановые, собранные в пучок, волосы, грудь и его пронизывало желание. Полещук понимал, что неприлично так откровенно рассматривать девушку, тем более иностранку, но ничего не мог с собой поделать.

– Щука! Тащи ее к нам, – кричали приятели Полещука. – Пивом угостим и еще кое-чем. У нас этого добра много! Давай, Щука, поделись своей радостью с друзьями! – Переводчики ржали и призывно махали руками.

– What does it mean Schuka?[18] – Спросила Тэта.

– Рыба есть такая, вроде барракуды, – попытался объяснить Полещук, не зная английского эквивалента «щуки». – Фамилия у меня похожая, потому и кличут так. – Он повернулся к компании переводяг и погрозил ребятам кулаком, не мешайте, мол, общаться с девушкой.

Тэта сегодня улетала в Афины, поэтому продолжить знакомство в другом месте, на что Полещук надеялся и прямо сказал об этом девушке, не получалось. До вылета ей оставалось всего несколько часов. Но скрыть так быстро появившееся чувство к русскому юноше она даже не пыталась, откровенно признавшись, что хотела бы еще не раз с ним встретиться. На робкую фразу Полещука насчет любви с первого взгляда Тэта прореагировала внимательным взглядом своих черных, греческих очей, но ничего не ответила. Полещук опять смутился и замолчал. Он все понял. Этот взгляд сказал ему о многом: Тэта, похоже, к нему не равнодушна, но сиюминутный вариант переспать, ее отнюдь не устраивает…

---

[16] Извините, мисс *(англ.)*

[17] Привет! Вы говорите на английском? *(англ.)*

[18] Что такое «щука»? *(англ.)*

– Александер, I really like you[19], – призналась Тэта, прощаясь с Полещуком. – Когда прилетаю в Каир, останавливаюсь в отеле аэропорта. Стюардесса?! – Рассмеялась она на вопрос Полещука. – Ах Александер, хотела бы, да ростом не вышла. У нас в «Олимпике» вот такие стюардессы. – Тэта встала на цыпочки и вытянула руку вверх. – Ниже не берут. Ладно, мне надо поторопиться. Даст Бог, еще увидимся. Очень хочу поближе с тобой познакомиться. Очень-очень… – Она протянула Полещуку руку, улыбнулась и направилась к бассейну.

Возвращаясь к друзьям, Полещук не отрывал глаз от Тэты, красиво рассекавшей руками голубую воду бассейна. «Тэта, Онассис, „Олимпик“», – подумал Полещук, – «это что-то из рода необычных снов. Господи, какая славная девушка! Что за ее словами „поближе познакомиться“? Удастся ли ее хоть когда-нибудь встретить? Конечно же, это нереально. Надо забыть, забыть, забыть…» – Но отель аэропорта намертво врезался в память. Тем более, что он на окраине Гелиополиса, совсем рядом…

Ближе к обеду все проголодались. Перекусывать в спортивном клубе было слишком накладно, поэтому, постояв напоследок под душем, потопали в близлежащий ресторанчик. «Семейный», судя по вывеске на французском языке. Сев за столик и осмотревшись Полещук подумал, что назвать это заведение рестораном никак нельзя. Обычное, не очень чистое, египетское кафе. Зато дешевое, как сказали ему коллеги.

Обслуживал переводчиков лично хозяин заведения, старый грек с трудно выговариваемым именем. Смешно семеня ногами, грек собственноручно принес каждому по тарелке куриного супа с рисом. Полещуку едва удалось преодолеть брезгливость, когда он увидел палец старика, невольно опущенный в суп. На второе заказали местный шашлык – кебаб с салатом.

– Гречанка? – Удивлялись коллеги Полещука. – Чего-то у нас сегодня сплошная Греция. А девица очень даже ничего, а задница – нет слов, одни восклицания. Говоришь, у Онассиса работает? Не факт, старик, может, твоя Тэта из какой-нибудь разведки. Понимаешь, чем тебе грозит несанкционированный контакт с иностранкой? К тому же из страны «черных полковников» с базами НАТО. Если об этом узнает генерал Верясов, не говоря уже об особистах. Или наоборот, что еще ху… вее.

– Кончайте стращать, мужики, – возмущался Полещук. – Пуганый уже. Подумаешь, парой слов перекинулся. Она, между прочим, сегодня улетает. Вот и весь роман!

– Ну, не скажи, – сказал кто-то. – Это почти измена Родине. Кто знает, может, ты через пару недель будешь по «Голосу Америки» вещать из Афин. Шутка, конечно. Но, сам знаешь, как на такие контакты реагируют наши спецслужбы. Проще трахнуть египетскую шармуту[20], чем контачить со стюардессой из «Олимпика»…

– Да не стюардесса она! – Воскликнул Полещук.

– Какая разница, – сказал Саша Блоцкий, – работает у старика Онассиса, гречанка…

– Мужики, что вы заладили, – кипятился Полещук, – гречанка, Греция, спецслужбы! Вспомните древнюю историю, а не проводите идиотские параллели между Тэтой и черт знает чем!

– На хрен историю. – Сказал Гвоздин и посмотрел на Полещука своими странными глазами с подволокой. – Греция она и есть Греция с грецкими орехами, «черными полковниками» и штатовскими базами. Враги они, короче!

– Жека, ты не прав, – Полещук привстал со стула. – Я имею в виду исторические связи Египта с Грецией. Это же была целая огромная эпоха, ребята. Вспомните, наконец, династию Птоломеев, Антония, Клеопатру… Это все – Рим, Греция и Египет, связанные древней историей.

– Ну, Щука, ты даешь! А причем здесь твоя Тэта?

---

[19] Ты действительно мне нравишься *(англ.)*

[20] проститутка *(егип.)*

– Да, ни при чем, елы-палы! Это так, к слову о Греции. А сигареты мы курим, между прочим, под названием «Клеопатра»…

Обед закончили обед холодным банановым соком с молоком. Алкоголь в «Семейном» не подавали.

Полещук вспомнил красивую гречанку Тэту, которую он никогда уже больше не увидит, и немного расстроился. Завтра его ждал Суэцкий канал…

Глава четвертая

Зенитная артиллерия ОАР сбила вчера три самолета, отражая налет израильской авиации на позиции египетских войск в южном секторе Суэцкого канала. В заявлении представителя вооруженных сил ОАР, переданном агентством МЕН, отмечается, что первый из сбитых израильских самолетов упал на западном берегу канала. Второй упал в Суэцкий залив. Третий самолет упал на восточном берегу канала на территорию Синайского полуострова.
(Каир, 20 августа, ТАСС)

– Ну, за знакомство! – Произнес Кузакин, поднимая стаканчик с водкой. Все чокнулись. Полещук залпом опрокинул в рот водку и, закусывая жареной курицей с рисом, посматривал на своих новых коллег. Их, не считая Кузакина, было двое: Володя Захарченко, добродушный увалень, студент пятого курса из Киева, и маленький Сафар Хушвахтов, когда-то закончивший Душанбинский университет, но работавший портным, когда его призвали из запаса под знамена доблестной Советской Армии.

– Теплая, – скривился Захарченко.

– Ты, Захар, пей да рожи не корчи, – заметил Кузакин. – Водка ему теплая… Зато надурняк. Хохол ты или кто? Надурняк, как у вас говорят, и уксус сладкий! Спасибо скажи Полещуку, что бутылку не зажилил, как некоторые…

– Да я ничего, – промямлил набитым ртом Захарченко – Вот сала бы еще…

– Какое сало в мусульманской стране? – С сильным акцентом сказал Хушвахтов. – Харам![21]

– Ничего ты не понимаешь в сале, – отреагировал Захарченко. – Это же Бог знает, как вкусно. Да еще с чесночком и хлебушком черным! Под горилочку ледяную. – Он закатил глаза от мысленного наслаждения. – Короче, несчастный ты человек, Сафар!

– Захарченко, оставь ты его в покое, – сказал Кузакин. – Давай, Саша, наливай еще по одной.

Полещук, разливая водку по стаканчикам, вопросительно посмотрел на Хушвахтова, самого старшего по возрасту. – Будете? – Тот молча кивнул. Захарченко радостно ухмыльнулся:

– Сало, значит, харам, а водку можно? Тоже мне мусульманин!

– Про водку в Коране ничего не сказано, – ответил Хушвахтов с серьезным выражением на круглом лице. – Только про вино…

Полещук посмотрел на открытую настежь веранду. За зелеными кустарниками виднелась лента шоссейной дороги, а за ней сине-голубыми кусками – море. Действительно, курортное местечко эта Рода. Красивое и тихое.

– Поехали, парни! – Прервал религиозную полемику переводчиков Кузакин. – За нас!

– Кузакин, а Кузакин, – просяще сказал Захарченко, повернувшись к старшему переводчику. – Спой нашу, любимую. Ну, пожалуйста, Кузакин.

Полещук с интересом посмотрел на Кузакина. Тот встал, откашлялся, подмигнул коллегам, набрал в грудь воздуха и громко запел неожиданно густым баритоном: «Коплю сертифика-а-а-ты я с желтой полос-о-о-й! Коплю сертифика-а-а-ты…»

Внезапно страшный грохот ударил по барабанным перепонкам переводчиков. Полещук рванулся на веранду, не слыша крика Кузакина: «Стой! Куда!». На лужайке перед коттеджем Полещук увидел фонтанчики земли, видимо, выбиваемые очередью из скорострельной авиа-

[21] Запрещено *(араб.)*

ционной пушки. Раздалось несколько взрывов. Запоздало заработали крупнокалиберные пулеметы ДШК воздушного прикрытия. Пара израильских «Скайхоков», сверкая плоскостями, набирала высоту и уходила в сторону Синайского полуострова.

Из соседних коттеджей выбежали бригадные советники и, оживленно переговариваясь, смотрели в направлении невысоких гор. Там, в отдалении, громыхали взрывы, в воздух поднимались клубы черно-серого дыма.

– ПВО бомбят, – сказал подошедший к Полещуку Кузакин. – Радиолокационную роту.

– Далеко отсюда?

– Километров пять-шесть. Вот суки! Какую песню испортили, чуть по нам не долбанули… Пара ракет и очередь – это мелочь, демонстрация…

– Саня, а где авиация? Зенитные ракеты? Мы же их до хера египтянам поставили.

– А х… й знает, – Кузакин от огорчения плюнул на землю. – Пошли водку допивать поскорее. Хабиры сейчас набегут: свяжись с Каиром, поехали в бригаду… В общем, обычная история.

В комнате никого не было. Кузакин и Полещук посмотрели на стол. Один стаканчик был опрокинут, на полу осколки тарелки с рассыпавшимся рисом. – Слава Аллаху, водка цела. – Сказал Кузакин и оглядел комнату. – Куда бойцы-то подевались? – Из-под кровати послышалось сопение, зашевелилось покрывало, и оттуда с трудом стал выползать Захарченко. Лицо его было бледным и грязным от пыли.

– Ну, ты даешь, Захар! – Удивился Кузакин. – Как ты под койку забрался? С твоей-то комплекцией? – Кузакин громко заржал. Полещук тоже засмеялся. Захар стал на карачки, затем выпрямился. На его лице появилась кривая ухмылка, руки заметно дрожали.

– А где наш Хушвахтов? – Кузакин заглянул под вторую кровать. Там никого не было. – Ладно, найдется. Давайте за стол. Ждать не будем.

Расселись по прежним местам, и Полещук разлил по стаканам «Столичную».

– За твое боевое крещение! – Произнес Кузакин и чокнулся с Полещуком. – Захар, перестань дрожать! – Добавил он, увидев, как мелко трясется стаканчик в руке Захарченко. Все выпили.

Полещук не стал уточнять, что так называемое боевое крещение он принял раньше, что был награжден медалью за свою работу в экстремальной обстановке, когда группа советских инженеров и техников под интенсивным артобстрелом монтировала зенитно-ракетное оборудование в зоне канала.

…Ни советники, ни переводчики 6-й пехотной бригады, разумеется, не знали, что день приезда Полещука совпал с началом очередного этапа масштабной военной операции ВВС Израиля под условным наименованием «Боксер». Всего за пару дней израильтяне уничтожили шесть батарей зенитно-ракетных комплексов С–75, пять радиолокационных станций раннего обнаружения, сбили семь египетских МИГов, разгромили с десяток позиций артиллерии. Потери египтян в живой силе составили не меньше двух сотен человек убитыми. Господство Хель Авир в воздухе Египта стало полным.

Генерал-полковник Катушкин молча стоял у карты Египта. За длинным столом в виде буквы «Т» сидели генералы-советники в видах вооруженных сил Египта и родах войск. Лица генералов были заметно удрученными, некоторые курили.

– Что, товарищи генералы, – повернулся к своим подчиненным главный военный советник, – дали вам евреи просраться? – Генералы молчали. – Посмотрите на карту, – Катушкин ткнул короткой указкой в северный сектор Суэцкого канала, – от Порт-Саида до Суэца и южнее, – он опустил указку, – уничтожены все передовые РЛС и зенитно-ракетные комплексы. Как это понимать? – Лицо главного стало жестким, желваки зашевелились. – Зачем вас сюда прислали? Сертификаты скирдовать или учить воевать? Это к вам относится в первую очередь, товарищи генералы Дольский и Сизарев!

– Разрешите объяснить? – Поднялся советник командующего ВВС генерал-майор Дольский.

– Не разрешаю! – Отрезал Катушкин и стукнул указкой по столу. – Что ты вообще можешь объяснить? Семь самолетов за два дня! Семь!

– Так летчики такие, товарищ генерал-полковник!

– Учить, значит надо! Если хреновые! – Катушкин обвел глазами сидевших за столом. Глаза генерала метали молнии. – Только спирт жрать горазды твои советники!

– Товарищ генерал-полковник! – Не выдержал Дольский.

– Что, товарищ генерал-майор авиации? Не нравится? А мне нравится выслушивать упреки министра обороны? И президента Насера! – Катушкин бросил взгляд на портрет египетского президента, потом медленно обвел гневным взглядом генералов. Глаза главного метали молнии. Генералы опустили головы. – Как пацан провинившийся стоял на ковре! Позор! Евреи летают, как у себя дома. Ладно, извини, Григорий Устинович, за резкость. – Катушкин сделал несколько шагов по кабинету и, наконец, сел за свой стол.

– Разрешите, Иван Сергеевич? – Совсем по школьному поднял руку советник командующего ПВО генерал-майор Сизарев.

– Да, Василий Федорович, слушаю тебя, – кивнул головой Катушкин.

– Комплексы С–75 показали свою низкую эффективность в борьбе с низколетящими целями противника…

– Да, знаю я, знаю, – раздраженно прервал Катушкин Сизарева. – Ты еще вспомни «телеграфные столбы». Так, кажется, обзывали эти ракеты американские пилоты во Вьетнаме?

– Так точно, товарищ генерал. Я все-таки продолжу с вашего разрешения.

– Давай!

– Евреи не менее опытные боевые летчики, чем американцы. Более того, Иван Сергеевич, среди летного состава немало евреев американского происхождения, воевавших во Вьетнаме. Это – асы. Они прекрасно знают недостатки «Двины» и атакуют позиции на малых высотах. А местонахождение всех ракетных позиций израильская разведка засекла давно…

– Что ты мне прописные истины докладываешь? Доложи свои соображения, генерал!

– Во-первых, стремление местного командования ПВО прикрыть малыми средствами большое количество объектов не позволили создать надежную оборону. Ракетные дивизионы в центральной зоне располагаются с интервалом в 25–30 километров, а фланговые – на расстоянии 65–75 километров…

– Ну и что? – Буркнул Катушкин. – Они кинули туда все, что есть…

– Распыленность, товарищ генерал. Такое построение не обеспечивает взаимное прикрытие, особенно на малых высотах, а фланговые дивизионы вообще не могут взаимодействовать с центральной группировкой ПВО. Я уже не говорю об отвратительном инженерном оборудовании позиций, которое абсолютно не способно защитить боевую технику и личный состав…

– Василий Федорович, – прервал Катушкин доклад Сизарева. – Ты же советник и опытный вояка! Почему не подсказал, как надо строить оборону?

– Я устал им об этом говорить, товарищ генерал-полковник, – ответил Сизарев и продолжил:

– Во-вторых, египтяне не учитывают возможность подхода самолетов противника на малых высотах и с разных направлений, а также большую плотность налетов. Смешно сказать, Иван Сергеевич, они не только не могут прикрыть объекты, но и сами нуждаются в защите!

– Твои предложения, генерал, – сказал Катушкин.

– Полагаю необходимым выйти на наше руководство с предложением укомплектования ПВО Египта более современными зенитно-ракетными системами и в требуемом для надежного прикрытия количестве. Я имею в виду, товарищ генерал-полковник, С–125 «Печора». Этот комплекс исключительно эффективен на всех высотах, особенно малых. Не говоря уже

о его высокой мобильности. Батареи «Двины» и «Печоры», развернутые в приканальной зоне, создадут мощный противовоздушный щит в небе над Египтом.

– Уже, Василий Федорович, – сказал главный военный советник, встав со стула.

– Не понял, товарищ генерал, – вопросительно посмотрел на него Сизарев.

– Подобные предложения мною уже доложены Москве. Переговоры ведутся. Вся проблема в том, – Катушкин бросил взгляд на карту, потом на генералов, – это, кстати, вы и так знаете. Проблема в том, что комплекс самый новый и находится на вооружении нашей ПВО, а также в странах Варшавского Договора. На Ближний Восток мы, как известно, стараемся не поставлять новейшее вооружение. Тем более в больших количествах. – Он задумался. – Если вопрос решится положительно, будет прецедент… – Катушкин сел на стул. – Короче, поживем – увидим…

Совещание у главного военного советника продолжалось еще очень долго. Дым стоял коромыслом.

– Полещук, давай в кузов!

Полещук посмотрел на батальонного советника Василия Ивановича Хоменко и решил, что тот шутит. Но Чапай не шутил: – Давай, давай, не раздумывай! Времени нет!

– Василь Иваныч, почему в кузов? Ведь солнце шпарит…

– Тебя чего, лейтенант, по стойке смирно поставить и приказать? За воздухом будешь наблюдать по дороге. Не ровен час, стервятники налетят. – Хоменко бросил взгляд на небо и прищурился от утреннего, но уже ослепительного солнца. – Который день уже бомбят, заразы… Поехали!

– Есть, товарищ подполковник! – Полещук ухватился руками за деревянный с облупившейся зеленой краской бортГАЗ–63, поставил ногу на колесо и рывком забросил тело в грязный кузов. «Алатуль кятиба!» – Услышал он, как Чапай приказал солдату-водителю ехать в батальон.

…В прошлом году 45-летнему подполковнику Хоменко неслыханно повезло. Под занавес службы в Сибирском военном округе в мотострелковый полк, где он служил командиром батальона, пришла разнарядка подобрать кандидата для командирования за рубеж в страну с жарким сухим климатом. А какой нормальный командир полка согласится расстаться с молодым и перспективным комбатом? Таких дураков в Советской Армии нет. И командир предложил кандидатуру подполковника Хоменко, участника Великой Отечественной войны, орденоносца, имеющего богатый опыт командования батальоном. Ну, а на предельный возраст и отсутствие законченного высшего образования, в кадрах согласились закрыть глаза. Были, конечно, некоторые проблемы по части здоровья кандидата, но и их удалось решить, подмазав медицину энным количеством спиртного. В общем, вместо того, чтобы сидеть военному пенсионеру Хоменко с удочкой на берегу сибирской реки, он нежданно-негаданно оказался в стране с жарким сухим климатом в должности советника командира батальона.

А уж про то, как обрадовалась его жена, и вовсе говорить не приходится. После Топчихи, заштатного сибирского городка, Каир показался ей настоящим земным раем. Товары на любой вкус, услужливые до назойливости торговцы, золото по цене один египетский фунт за грамм… И автомобиль «Волга» по возвращении в Союз. Она уже представляла себе, как сидит в шикарной машине, одетая в красивое заграничное платье, а на пальцах изысканные перстни с александритами… Почти наяву видела зависть, охи и ахи гарнизонных дам.

…Грузовик, проехав пару километров вдоль Суэцкого залива по шоссе, свернул на грунтовую дорогу, ведущую в сторону невысоких красновато-черных гор без признаков какой-либо растительности. Полещук стоял у кабины, держась за борт, и смотрел то вперед, то на ярко-голубое небо. Возле бархана пробежала маленькая с длинными ушами пустынная лисичка – фенек, и исчезла, видимо, юркнув в свою норку.

Машину трясло и подбрасывало на неровной грунтовке. Через какое-то время до Полещука дошло, что он не туда смотрит, и что самолеты могут появиться со стороны залива. Он развернулся в противоположную сторону, но так держаться было не за что и ему пришлось сесть на грязное дно кузова. Лучи взошедшего солнца ослепляли, он чувствовал, как начинает гореть на лице кожа. Ни длинный козырек кепи, ни солнцезащитные очки не спасали. Мелкая пыль забивалась в ноздри, проникала повсюду, противно скрипела на зубах. «Черт побери, когда же кончатся эти мучения?» – Вертелось в голове Полещука, которого долго еще швыряло от одного борта кузова к другому. От непрерывного ерзанья по доскам кузова заныла задница…

Пехотный батальон подполковника Сафвата располагался в первом эшелоне 6-й бригады, рассредоточившись между каменисто-песчаными холмами. Спрыгнув с грузовика, Полещук поначалу ничего не увидел кроме нескольких дыр-входов в блиндажи, представлявшие собой снаружи небольшие песчаные насыпи, сливавшиеся с окружающей местностью.

Классической линии обороны в виде траншей с ходами сообщения, известной Полещуку по учебникам и практическим полевым занятиям, попросту не было. Присмотревшись, он разглядел позицию зенитных пулеметов ДШК, накрытых маскировочной сеткой. Такая же сеть была натянута в лощинке, но что под ней, Полещук не разглядел. Группа солдат в грязном хаки с мотыгами и лопатами ковырялась в каменистом грунте. Солдаты с любопытством посмотрели на Хоменко и Полещука и оживленно о чем-то заговорили. Возле солдат, а точнее около остатков чего-то съедобного, роились полчища мух.

– Полещук, пошли к комбату! – Оглянулся Хоменко, быстрым шагом направлявшийся ко входу одного из блиндажей. Полещук догнал его и пошел рядом. – Сейчас познакомлю тебя с подполковником Сафватом. Комбат он хороший, только с ленцой, как все арабы…

Из входа в мальгу[22], согнувшись, вышел солдатик с подносом, на котором стояли пустые стаканчики и небольшой металлический чайничек. Увидев русских, солдатик неловко повернулся, и два стаканчика упали с подноса на песок, сползавший чайничек он успел схватить рукой. Солдат опустился на корточки, поднял стаканчики, вымазанные песком, обтер их поочередно об штаны, поставил на поднос и, кося взглядом на Полещука, куда-то пошел. Из блиндажа доносилась громкая перепалка на арабском языке с вкраплением русского мата.

– С кем это он спорит? – Удивился Хоменко и полез в дыру. – Мумкин?[23] Полещук полез за Чапаем, ощущая спертый горячий воздух, пропитанный табачным дымом и запахом керосина.

– Можно, можно, мистер Василий! Только осторожно… – Донеслось из полумрака на русском языке с заметным акцентом.

В довольно просторном блиндаже за походным столиком с разложенной картой сидели два египетских офицера. Оба, судя по орлу и одной звезде на матерчатых погонах, в одном звании – подполковники. В дальнем углу рядом с вентиляционным отверстием стоял крестьянский глиняный кувшин для воды – «улля», чуть ближе к столу, у стены – автомат «Порт-Саид», рядом – каска. Чадила керосиновая лампа, подвешенная на веревке. Офицеры встали, один из них – с сигаретой в руке. Все обменялись рукопожатием.

– Вот, мистер Василий, пытаюсь организовать взаимодействие с соседями, – сказал один из египтян, невысокий темнолицый с черными густыми усами мужчина. Полещук обратил внимание на тонкие, почти европейские, черты его лица. Африканское происхождение, кроме цвета кожи, выдавали закругленный кончик носа и полноватые губы. – Это подполковник Мухаммад, – темнолицый офицер дружески похлопал своего упитанного коллегу по плечу, –

[22] Блиндаж *(егип.)*

[23] Можно? *(егип.)*

толстый командир пограничного батальона. Так, кажется, по-русски? – Темнолицый лучезарно улыбнулся. – Он тоже у вас в России учился.

– А я хочу тебе представить нашего переводчика, – Хоменко слегка подтолкнул Полещука в сторону сухощавого офицера. – Полещук.

– Александр, – добавил Полещук, еще раз протянув руку улыбающемуся подполковнику.

– Сафват, – назвался он и Полещук почувствовал крепкое пожатие сухой руки командира батальона. – Буду звать тебя по-нашему – Искяндер. – Сафват посмотрел на смуглого и черноволосого Полещука и добавил: – Абу Карнейн[24]. – И заразительно засмеялся. Заулыбался и Хоменко, хотя и не понял, что означает сказанное.

Полещук, перейдя на арабский язык, сказал Сафвату, что он не против имени Искяндер, но насчет Македонского категорически возражает.

– Нукта[25], – сказал Сафват. – Аглян ва саглян, мистер Искяндер. Куришь? – Он протянул Полещуку пачку «Клеопатры» и громко позвал ординарца.

– Чай, кофе? – Спросил Сафват у русских, когда в блиндаж вошел солдат с подносом. – Извините, водки нет, на фронте не пьем. Да и жарко сегодня. – Он вновь улыбнулся и поправил пальцами густые усы. – Не как в вашей России. Да, мистер Василий?

– Ты бы курил поменьше, Сафват, – назидательно сказал комбату Хоменко, – а то, хоть топор вешай!

Сафват не понял про топор и вопросительно посмотрел на Полещука. Тот попытался описательно перевести поговорку на арабский язык, потом запнулся, вспоминая глагол «вешать». Хоменко выслушал Полещука и засопел:

– Хреновый ты переводчик, Полещук. Я два слова сказал, а ты пять минут переводишь…

– Маалешь[26], – Сафват тронул рукой локоть Полещука. – Мы все поняли. А, Мухаммад?

Пограничник кивнул головой и посмотрел на наручные часы:

– Сафват, давай к делу. – Он указал на карту. – Клянусь Аллахом, времени в обрез.

– Давай, – согласился комбат, и его лицо мгновенно стало серьезным. – Мистер Василий, Искяндер, присоединяйтесь! – Хоменко и Полещук подошли к столику с картой и сели на стулья. Сафват перешел на арабский язык:

– Итак, пехотный батальон должен занимать район обороны до пяти километров по фронту и до двух с половиной в глубину. А твой батальон, уважаемый подполковник Мухаммад, растянут почти до десяти километров. – Сафват показал на карте. – Вот, смотрите.

Пограничник посмотрел на карту, затем на Сафвата. И ухмыльнулся:

– Ты что, не знаешь, что мне приказали занять оборону на десяти километрах побережья? Ведь там, кроме моих пограничников, никаких войск нет…

– Знаю, – согласился Сафват. – А ты подумал, что будешь делать в случае высадки израильского десанта? – Он отхлебнул из чашечки кофе и затянулся сигаретой. – При такой распыленности батальона ты не сможешь обороняться. Тебя сомнут еще до подхода подразделений из глубины. Или я не прав? А, мистер советник Василий?

Хоменко включился в разговор двух комбатов. Обсудили не только построение обороны, систему огня и организацию взаимодействия между батальонами, но и порядок действий при отражении десанта с моря. Хоменко особенно негодовал из-за отсутствия правильных (в инженерном отношении) ротных опорных пунктов с глубокими, в полный рост, траншеями и ходами сообщений.

– Мистер Василий, – парировал Сафват. – Вы что, не видите, какая здесь земля? Сплошной камень! Чем рыть? Взрывать что ли?

---

[24] «Двурогий» (араб.) Прозвище Александра Македонского по форме шлема полководца.

[25] Шутка *(араб.)*

[26] Ничего *(араб.)*

Хоменко надувал щеки и тряс головой:

– Да хоть и взрывать! Иначе хана такой обороне! – И он начал вспоминать эпизоды войны с немцами, когда плохо подготовленная оборона легко сминалась танками, приводила к большим потерям среди личного состава… – Не забывай про авиацию, мистер Сафват! Это еще, слава Богу, что сейчас евреев пехота не интересует. Они пока наносят удары по системе ПВО. Это сегодня. А завтра?

…Наступил сентябрь. Но солнце оставалось таким же палящим, как и раньше. Никаких признаков наступившей календарной осени не было и в помине. Жара, песок, раздолбанный грузовик ГАЗ–63, слежение за воздухом из кузова… И без того смуглое лицо Полещука стало совсем темным. Незнакомые арабы уже принимали русского переводчика за своего, египтянина, и неподдельно удивлялись, когда Полещук говорил, что он из далекой России.

За две недели работы в батальоне Полещук, несмотря на разницу в возрасте, подружился с Сафватом. Ему по-мужски нравился этот жизнерадостный и веселый подполковник, египетский христианин-копт, обожавший арабские пословицы и поговорки. Далеко не все они были понятны Полещуку, и Сафват, не жалея времени, выступал в роли учителя арабского языка и доходчиво объяснял смысл сказанного. Для общей пользы договорились: Сафват будет общаться с Полещуком на русском языке, а Полещук – на арабском.

Как бы, между прочим, комбат научил Полещука разбирать и собирать пистолет «Беретта», табельное оружие египетских офицеров. Ковыряясь в деталях сложного в сборке итальянского пистолета, Полещук вспоминал простой в этом отношении советский «ПМ», на что Сафват смеялся и отвечал очередной пословицей: «Илли аиз иль-уарда лязим итхаммиль шоук»[27].

Довольно быстро Полещук понял, что Хоменко-Чапай мужик совсем незлобный и его сердитое надувание щек – не более, чем рисовка перед подсоветными арабскими офицерами. Он по-прежнему бухтел Сафвату насчет инженерного оборудования района обороны, каждое утро лично проверял сделанное, огорчался, махал рукой и забирался в штабной блиндаж, где подолгу пил чай, прислушиваясь к разговорам Сафвата с Полещуком. Их общение ему, похоже, нравилось.

Ближе к вечеру бригадные и батальонные советники и их переводчики возвращались в Роду, а египетские офицеры оставались в своих подразделениях. Короткий отпуск им полагался один раз в месяц, да и то в зависимости от обстановки на фронте. Не раз Сафват говорил Полещуку, что им надо обязательно встретиться в Каире и вместе провести время. Но, когда это станет возможным, не знал ни он, ни Полещук. К тому же Полещук немного опасался этой будущей встречи: ведь внеслужебные несанкционированные контакты с египтянами советским советникам и переводчикам были строго настрого запрещены.

Между тем на фронте после серии воздушных налетов на подразделения ПВО наступило затишье. Нет, сказать, что стало совсем тихо, и война закончилась, было нельзя. Линию Бар-Лева методично обстреливала египетская артиллерия, израильтяне не оставались в долгу и время от времени наносили удары «Скайхоками» и «Миражами» по позициям артиллерийских батарей и каким-то объектам в глубине территории Египта. Что там бомбили евреи, пехотные советники не знали.

[27] «Нет розы без шипов» *(араб. пословица)*

Глава пятая

Как заявил представитель военного командования ОАР, 3 израильских самолета сбиты сегодня огнем египетской противовоздушной обороны при попытке израильских войск произвести высадку на западном берегу Суэцкого залива под сильным прикрытием авиации. Военный представитель заявил далее, что израильский удар был направлен на мыс у входа в Суэцкий залив. Используя мощное воздушное прикрытие, израильтяне пытались высадить войска с десантных судов, но были отогнаны, понеся тяжелые потери. При этом, добавил он, огнем египетской артиллерии были потоплены 2 израильских десантных судна.
(Каир, 9 сентября, ТАСС)

Перед рассветом три малых танко-десантных корабля типа «Эцион Габер» ВМС Израиля без единого огонька приближались к египетскому берегу.

– Асыфа! Асыфа! Футур гяхиз[28]! – Гортанно по-арабски отдал команду по рации расан Хагай Леви[29], когда его корабль подошел к чуть видимому африканскому побережью Суэцкого залива. Услышав короткие доклады кодовыми фразами тоже на арабском языке, Леви высунул голову из танка, посмотрел на небо, затем на светящийся циферблат наручных часов – 4.35: – Ну, где же они? – И в тот же момент раздался гул самолетов. – Лишь бы не промазали, доблестные асы Хель Авир… – подумал Леви и занял командирское место в танке.

В небе повисли осветительные авиабомбы, гул пикирующих «Скайхоков» смешался с грохотом разрывов и стал едва слышен. САБы высветили пустынный песчаный берег в километре справа и слева от места высадки. За широким пляжем контурно обозначились высоты. Мощно зарокотали танковые двигатели. Раскрылись носовые ворота десантного корабля, опустилась аппарель. Майор Леви приник к триплексу. Разглядев берег, он слегка прижал к шее ларингофоны и скомандовал «Вперед!» Танк по аппарели медленно пополз в воду прибоя. «Хорошо бы мин не оставили, – вспомнил майор о группе морских коммандос, проводивших накануне разминирование участка высадки, и представил себе метровый штырь противодесантной мины. – А, лучше не думать об этом…»

Спустя несколько минут началась высадка десанта с двух других кораблей. На песчаный пляж тремя колоннами потянулись танки и бронетранспортеры. Брезжил рассвет, вот-вот должно было взойти солнце…

Расан Хагай Леви, высокий, атлетически сложенный28-летний мужчина с короткими курчавыми волосами на голове, очень похожий на араба, если бы не серо-голубые глаза (редкое явление среди семитов), был одним из самых опытных офицеров израильского спецназа «Шфифон»[30], диверсионно-разведывательного подразделения, не раз больно жалящего беспечных врагов. В послужном списке майора несколько успешных рейдов в тылы противника, «шестидневная» война 1967 года, награды и ранения. Поэтому майор ничуть не удивился, когда ему поставили задачу совершить очередной рейд на египетскую территорию. Операцию под условным названием «Равив» («Дождик»). Правда, новым в этом задании было то, что «Шфифон» должен был действовать под видом египетского подразделения на трофейных танках Т–54 и плавающих бронетранспортерах БТР–50, русского производства, захваченных

[28] Ураган! Завтрак готов! *(араб.)* По кодовой таблице: «Внимание! Приготовиться к высадке!»

[29] Майор *(иврит)*

[30] Пустынная гадюка *(иврит)*

целехонькими у египтян на Синае в 1967 году. Для этого к спецназу прикомандировали опытных механиков-водителей, хорошо освоивших трофейную бронетехнику.

К рейду готовились долго и тщательно. Изучали топокарты района, анализировали свежую развединформацию, в том числе донесения агентуры и данные аэрофотосъемки, определяли место высадки, маршрут движения, египетские военные объекты, подлежащие уничтожению. На участке Синайского побережья провели несколько тренировок по высадке танкового десанта в условиях ночи и раннего утра.

Майор Леви, неплохо владеющий арабским языком (спасибо родителям: отец вырос в Александрии, а мама – уроженка Палестины), лично подбирал офицеров, придирчиво проверяя их на знание арабского. В остальном – они были подготовлены отлично. Наконец, в первых числах сентября командир «Шфифона» доложил командованию о готовности к рейду.

Операция «Равив» находилась на особом контроле Генштаба, поэтому проверять готовность спецназа к рейду приехала целая группа офицеров во главе с генералом Мордехаем Цуром, заместителем начальника ГШ, с едва заметным ироничным выражением на лице. Среди проверяющих была пара офицеров с суровой внешностью – друзы[31] из «Сайерет Маткаль» генштабовского спецназа, странно смотревшиеся в полевой униформе со знаками различия израильской армии, в солнцезащитных очках и без своих традиционных длинных усов, которые русские назвали бы «буденновскими». «В Сирии, на Голанах эти парни в своих широченных штанах выглядели гораздо естественней, – вспомнил майор Леви о том, как ему пришлось однажды обеспечивать эвакуацию разведгруппы пышноусых друзов из-под Хермона. – Как они жалели, что пришлось оставить свой рогатый скот. Ну, никак не помещались молочные буренки в вертолетах!».

Хагай Леви перевел взгляд на неприметного офицера, стоявшего за генералом Цуром, и сразу узнал его. Это был сам сааль[32] Иаков Брог, командир «Сайерет Маткаль», человек-легенда, невысокий плотный мужчина с круглым, чисто выбритым лицом. Несмотря на то, что во внешности 27-летнего Брога не было ничего выдающегося, даже на расстоянии ощущалась исходившая от него некая внутренняя сила. Еще бы. Иаков Брог еще до «шестидневной» войны прославился своими подвигами в глубоком тылу противника. Его рейды к арабам уже успели стать живым учебником для всего израильского спецназа. Брогу, наверное, не было равных. Впрочем, о нем и его дерзких до авантюризма вылазках в арабские тылы знали только посвященные…

– Шалом, хевре![33] – Поздоровался генерал Цур с шестью офицерами «Шфифона», пожав каждому руку и глядя на их египетскую полевую униформу. – Молодцы, от арабов не отличить. Докладывайте, расан Леви.

Разложив на походном столе топографическую карту, Хагай Леви четко и по-военному коротко доложил генералу об этапах выполнения боевой задачи.

– Ну, что ж, нахон – правильно, – сказал Мордехай Цур, внимательно глядя на карту с нанесенными на ней тактическими условными знаками. – Так, Суэц, Адабия, район высадки, маршруты, две РЛС, склады, здесь ротный опорный пункт… Замысел верный, должны справиться. – Генерал отложил карандаш: – Предупреждаю, парни, вам предстоит весьма сложная операция, – он задумался, – очень надеюсь на грамотные действия авиации и наших моряков. От них, особенно прикрывающей вас авиации, во многом зависит успех рейда…

Генерал Цур вновь глянул на карту, потом тупым концом карандаша указал на район Заафараны: – Здесь вам будет, пожалуй, наиболее сложно. Кен – да. Если авиация не сможет

[31] Арабская народность на территории Палестины и Сирии, приверженцы одной из ветвей направления ислама

[32] Подполковник *(иврит)*

[33] Привет, друзья! (иврит)

надежно подавить передовые подразделения 18-й отдельной пехотной бригады. И там же, чуть южнее, район посадки на корабли. В общем, особое внимание на концовку операции…

– Генерал, есть вопрос, – произнес майор Леви, как только Мордехай Цур закончил говорить. – Вот здесь, в поселке Рода, по данным нашей разведки, находятся русские военные советники. – Он показал карандашом место на карте. – И что нам с ними делать? Их коттеджи располагаются почти в зоне наших действий…

Генерал посмотрел на карту и задумался, – заманчиво, конечно, захватить русского офицера, но… Ничего не делать, мы с русскими не воюем, – он перевел взгляд на офицеров «Шфифона», – пройдете мимо без остановки. Русские, насколько я знаю, не вооружены. А вы – египетское подразделение со всем необходимым антуражем… Да и задача, повторяю, поставлена другая: уничтожить радары, НП, а также боевую технику противника в ближайших к побережью опорных пунктах вплоть до Заафараны. И в самой Заафаране, точнее, – в районе побережья. Населенный пункт нас не интересует. Десантные корабли будут идти в том же направлении, авиация плотно прикроет вас с воздуха. По радиосвязи общение только на арабском языке… Кстати, Иаков, – генерал повернул голову и отыскал глазами командира «Сайерет Маткаль», стоявшего посередине группы офицеров Генштаба, – поработайте с парнями, дайте им несколько вводных. Вы человек опытный. Зе а коль – это все. Как у вас здесь жарко, – Мордехай Цур присел на походный раскладной стул. – Майор Леви, скажите, чтобы принесли воды.

Хагай Леви вышел из штабной палатки и сделал жест рукой солдату, стоявшему поблизости. Солдат подбежал и отдал честь.

– Воды генералу и офицерам, маэр[34]! – Приказал Леви и, чуть помедлив, добавил, – спроси у них, может, кто-нибудь желает чай или кофе. Маэр!

В распахнутом выходе палатки появился Иаков Брог и подошел к майору Леви.

– Как настроение, майор? – Спросил он и, не дожидаясь ответа, дружески похлопал Хагая Леви по плечу. – Знаю, что боевое. Давай-ка еще чуть помозгуем.

– Подполковник, – начал Леви, но Брог тут же его прервал.

– Давай, проще, без официоза, Хагай. Мы с тобой почти одногодки, а главное – одной крови: спецназовцы.

– Кен, Иаков. Ладно.

И оба офицера направились к танкам и бронетранспортерам, стоявшим в одну линию под маскировочными сетями.

– Хорошая машина, – сказал Брог, положил руку на броню крайнего танка. – Ух, как раскалилась! Он отдернул руку. – Тяжко вам придется в этих железных коробках…

– Не привыкать, – ответил Леви. – Жаль, времени не хватило заменить орудие на 105-й калибр и двигатель. Обошлись только рацией. У русских радиостанции дрянные…

– Вот, что я думаю, – сказал Брог, доставая из кармана дешевые «Аскот».

– Погоди, Иаков, у меня есть кое-что получше. – И Леви вытащил белую пачку сигарет с силуэтом египетской царицы. – Трофейные. «Клеопатра».

– Уалля![35] Вас даже сигаретами египетскими снабдили?! Действительно, подготовились в лучшем виде! – Иаков Брог взял пачку, повертел в руках, достал из нее сигарету. Оба закурили.

– Так вот, – продолжил Брог, сделав пару затяжек и посмотрев на голубоватый дымок. – Неплохой табачок. Главная твоя задача, конечно, сделать арабов незрячими. Я имею в виду уничтожение наблюдательных постов и радаров. Они же своими «П–12» видят Синай на глубину200–250 километров. Все воздушные цели. Про высоту я уже не говорю. Есть у меня одна идея. А что если утащить одну станцию, как ты думаешь? Эти РЛС, кстати, совсем новые, их недавно установили вместо разбитых Хель Авиром.

---

[34] Быстро! *(иврит)*

[35] Возглас удивления (иврит)

– Ло, Иаков, это невозможно, – возразил Леви. – Во-первых, такая задача нам не ставилась. Во-вторых, мы не готовы демонтировать РЛС, не говоря уже о том, что просто не сможем ее загрузить на корабли. Радар это не «мерседес» сирийского генерала, который ты, помнится, умудрился приволочь к нашим. Однозначно нет. Да и времени будет в обрез…

– Пожалуй, ты прав, – Брог докурил сигарету, бросил окурок и наступил на него рифленой подошвой высокого спецназовского ботинка. – Жаль. Согласись, хороша идея. Ладно, оставим на будущее. – Он приподнял маскировочную сеть. – Чертова жарища! Пошли в палатку, Хагай, поработаем на карте со вводными.

Хагай и Брог, увязая в песке, направились к штабной палатке. Командир «Сайерет Маткаль» посмотрел на ряды колючей проволоки по периметру лагеря, часовых с короткими «Узи» на груди, генштабовские джипы, закрытые маскировочными сетками.

– Слушай, майор, – сказал он, когда оба подошли к палатке. – Может, все-таки полковника русского приволочешь? А лучше парочку? Вот был бы шум!

– Ты действительно авантюрист, Иаков, – Хагай Леви остановился у входа в палатку. – Ло яхоль[36]. – Что я даже с одним буду делать? Они же в Роде живут. Это сорвет боевую задачу. Ведь нам от Роды пилить на юг почти 90 километров. И не просто в виде прогулки. К тому же десантные отделения в БТРах забиты бойцами…

На картах работали до позднего вечера. Хитроумные вводные подполковника Брога офицеры «Шфифона» решали все вместе. Кажется, предусмотрели все возможные варианты ответных действий египтян. Включая даже противодействие египетской авиации, что в принципе было невозможно из-за полного господства в воздухе Хель Авира.

– Майор Леви, постройте батальон, – приказал генерал Цур. Через несколько минут личный состав «Шфифона» стоял в строю перед танками и БТРами. Солнце палило нещадно, лица спецназовцев покрылись мелкими капельками пота.

– Анашим! Парни! Вы идете на задание во имя Эрец Исраэль[37]… – генерал был предельно краток, – ваша боевая задача особой важности. Не посрамите себя, покажите, на что способно элитное подразделение «Шфифон», накажите зарвавшихся арабов. Надеюсь на ваше мужество. Беацлаха![38]

После скромного ужина офицеры Генштаба сели в джипы.

– Хагай, подойди-ка на секунду, – сказал генерал Цур, устраиваясь на переднем сиденье своего джипа.

Хагай Леви подошел к генералу. Цур вытер пот махровым носовым платком, понизил голос почти до шепота и сказал: – Ориентировочно операция «Равив» планируется на 9 сентября. Знаешь только ты. С авиацией все будет согласовано. Если будут изменения, я сообщу лично или через подполковника Брога. Удачи тебе, майор. Беацлаха!

Генерал повернул голову назад, бросил взгляд на молча сидевших сзади офицеров, потом на водителя: «Поехали!» Тот включил движок джипа, воткнул передачу и машина тронулась с места. За джипом генерала вырулили другие машины. Хагай Леви проводил их взглядом и направился в палатку. Вместе с ним потянулись офицеры «Шфифона»…

Никаких изменений не последовало, и южнее Порт-Тауфика вечером 8 сентября «Шфифон» на шести танках и трех бронетранспортерах загрузился в трюмы десантных кораблей. Разминированный морскими коммандос участок высадки находился на побережье между Суэцем и Адабией, маленьким египетским портом, давно разбитым авиацией Израиля. Туда и взяли курс десантные корабли.

---

[36] Не могу *(иврит)*

[37] Великий Израиль *(иврит)*

[38] Удачи! (иврит)

Личный состав «Шфифона» разместился на палубах. Жара, несмотря на наступившую ночь, не ослабевала. Прохлады не ощущалось даже от воды залива. Где-то вдалеке работала египетская артиллерия, темное небо с едва мерцающими звездами изредка прочерчивали трассы очередей из крупнокалиберных пулеметов. Кому-то из египтян явно не спалось…

…«Миражи» еще продолжали наносить бомбовые удары по позициям арабов в тактической глубине обороны, когда танки и БТРы израильского спецназа выехали на дорогу, ведущую вдоль побережья на юг. Майор Леви сориентировался по карте: вышли точно в обозначенный район. Выстроив походную колонну, спецназ по команде майора двинулся по дороге на юг. Хагай Леви, высунувшись из люка, ехал в головном командирском Т–54. За ним, соблюдая походную дистанцию, шли остальные танки. Громко урчали мощные двигатели, в лучах восходящего солнца по обеим сторонам дороги проявились островки чахлого кустарника, верблюжьей колючки, отдельные пальмы…

Через пару километров Леви опустился на свое место, отдышался (хотя, можно ли вообще отдышаться в танке?!) и сверился с картой: приближались к поселку Рода. И действительно впереди, с правой стороны дороги он увидел что-то вроде небольшого оазиса. В зарослях кустарника выделялись широкие листья бананов, гроздья фиников на невысоких пальмах. За ними несколько одноэтажных коттеджей. От шоссе к ним вела грунтовая дорога. На развилке стоял человек и смотрел на залив. Больше никого не было видно. Хагай Леви мгновенно принял решение остановиться и по ТПУ отдал команду механику-водителю. Танк остановился у развилки.

Майор Леви выбрался из танка, стащил с головы танковый шлем и направился к человеку. Тот смотрел на танки и БТРы, поочередно останавливающиеся и глушившие двигатели. Потом перевел взгляд на подходящего к нему танкиста.

– Ас-салям алейкум, брат, – произнес Леви по-арабски и протянул человеку руку. – Майор Мухаммад Саид, командир разведгруппы.

Молодой египтянин в штанах цвета хаки и белой футболке ответил на приветствие и пожал руку офицера-танкиста. – Искяндер, русский переводчик.

– Ты русский?! – Удивился Леви и уставился на юношу голубыми глазами. – Не может быть!

– Почему не может быть? Очень даже может. Кстати, майор, что там бомбят? – Юноша показал рукой в сторону далекого зарева.

– Не знаю, Искяндер. А это Рода? – Леви повернул голову в направлении коттеджей.

– Да, Рода.

– Значит, мы идем правильно. Нам дальше. – Леви посмотрел на дорогу и на свою колонну. Из башенных люков, высунувшись по пояс, торчали фигуры танкистов, некоторые курили.

– Майор, ты родом из Александрии?

– Да. Ана искяндарани[39]. А что, заметно?

– Немного. Слова отдельные произносишь не так, как говорят в Каире.

– Ладно, русский. До свидания. Может, когда свидимся. – Леви пожал руку юноше и побежал к головному танку… По дороге и потом, когда колонна тронулась, Хагай Леви мучила одна мысль: «Надо было захватить с собой этого русского переводчика. Но, с другой стороны, какой с него толк? Переводчик. Беайа[40]…»

Проезжая мимо Эль Хафира, Леви увидел зарево за холмами. Там продолжала работать израильская авиация. Гул самолетов и взрывы заглушались рокотом танкового двигателя.

---

[39] Уроженец Александрии, александриец *(егип.)*

[40] Морока *(иврит)*

Майор вновь опустился на свое сиденье вбашне танка. Внутри было жарко. Он вздохнул, приник к триплексу и всмотрелся в ленту шоссе. Там что-то появилось.

– Наводчик, наблюдаю цель, – сказал Леви по ТПУ. – Видишь, вышла из-за поворота? Пока не разберу, что это.

– Командир, цель вижу, – отозвался наводчик. – Похоже на грузовик. Дистанция 1500.

– Подпустим поближе, – сказал Леви, – для надежного поражения. – Через несколько минут оптика командирского прицела приблизила грузовой автомобиль, едущий навстречу с приличной скоростью. Леви уперся в налобник прицела, навел перекрестие на грузовик и нажал кнопку целеуказания. Орудие быстро довернулось в сторону визирования командирского прибора.

– Осколочно-фугасным, – скомандовал Леви. – Автомашина, 600, с ходу. Эш! Огонь!

Глухо рявкнула пушка и покатилась выброшенная гильза. Запахло сгоревшим порохом. На месте грузовика возникла вспышка взрыва, и появилось облако из дыма и песка, из которого в разные стороны летели куски железа и ошметки деревянных бортов.

– Давай правее, – сказал майор механику-водителю. – Гляну, что мы долбанули. – Он высунулся из башни и посмотрел на то, что недавно было грузовиком. Машину прямым попаданием 100-миллиметрового снаряда разнесло в клочья. Окутанные черным дымом горели покрышки, язычки пламени лизали отброшенный в сторону двигатель… Сколько там было людей, майор так и не разобрал: дымящиеся куски тел, обрывки обмундирования, автомат Калашникова без приклада… На скорости проехали мимо. До первого из двух основных объектов спецназа «Шфифон» – станции РЛС в районе Рас Абу-Дараг оставалось порядка 30 километров.

Майор Леви посмотрел в бинокль налево, на залив. Горизонт был чист. Наконец, намного левее он увидел десантные корабли, шедшие гуськом.

– Прилично отстают морячки, – подумал он, – ничего, догонят, пока мы будем колошматить арабов…

Минут пятнадцать ехали молча. Унылый и однообразный пейзаж навевал сон. Судя по карте, колонна приближалась к Сохне.

– Командир, – раздался в шлемофоне голос наводчика. – Впереди, похоже, сторожевой пост. Вижу палатку, шлагбаум, группу людей.

– Понял, сержант. Еванти[41], – отозвался майор Леви и прижался к триплексу. – Точно, пост.

Он нажал клавиш тангенты рации и произнес на арабском кодовую фразу: «Асыфа! Асыфа! Тарик гейр муставий! Ана – Мухаммад[42]!»

– Механик-водитель!

– Я, командир, – ответил по ТПУ водитель танка.

– Будем останавливаться.

– Вас понял. Еванти.

Разумеется, останавливаться у сторожевого поста, как и раньше в поселке Рода, никакой необходимости у командира «Шфифона» не было. Но майору вдруг захотелось еще раз испытать себя в непосредственном контакте с врагом. Так сказать, потешить самолюбие крутого спецназовца, добавить в кровь порцию адреналина…

Танк майора Леви остановился у шлагбаума, где стоял египетский солдат с «Порт-Саидом» на груди и поднятой вверх правой рукой. Рядом с ним с таким же «Порт-Саидом» стоял

---

[41] Я понял *(иврит)*

[42] Ураган! Ураган! Дорога неровная! Я – Мухаммед! (араб.) По кодовой таблице: «Внимание! Незначительная цель! Действовать по моей команде!»

его явно заспанный напарник. У небольшой грязной палатки на земле возились еще два солдата, похоже, готовили чай.

Леви выбрался из башенного люка и спрыгнул на землю. Поправив уже расстегнутую кобуру с «Береттой», он пошел к часовому. Водитель заглушил двигатель танка. Леви повернул голову назад: колонна останавливалась. Из люков начали высовываться командиры танков, один из них, лейтенант Цвика Вайс, уже бежал к майору Леви. Из бронетранспортеров посыпались бойцы с автоматами Калашникова…

– В чем дело, вахш[43]? – спросил на египетском диалекте Леви у часового, отдавшего ему честь.

– Проверка документов, господин майор.

– С каких это пор? Что случилось? – Возмущенно спросил Леви и разглядел на рукаве часового сержантские нашивки. – Отвечать, сержант! Кус уммак[44]!

Два египтянина у палатки поднялись с земли и во все глаза смотрели то на колону, то на Леви с Вайсом. Один прихлебывал чай из маленького стаканчика. Оба никакого беспокойства не испытывали.

– Мой господин, здесь всегда проверка документов, – ответил сержант, вытянувшись.

– Я – майор Мухаммад Саид, командир разведгруппы 9-й механизированной дивизии. – Повысив голос, сказал Хагай Леви и расстегнул пуговицу нагрудного кармана, якобы собираясь достать удостоверение личности, притом, что никаких арабских документов у него не было. – Следую в Заафарану с задачей особой важности.

Египетский сержант молча ждал, когда Леви достанет документы, но майор вытащил из кармана пачку «Клеопатры» и протянул ее часовому.

– Даххин! Закуривай, вахш.

– Спасибо, мой господин. – Сержант достал из пачки сигарету и сунул руку в карман за спичками.

Леви тоже вытащил сигарету и щелкнул зажигалкой. Оба закурили. Майор бросил взгляд на свою колонну. Там, возле машин, некоторые бойцы курили, посматривая в его сторону. Цвика Вайс молча стоял на полшага сзади командира «Шфифона», подстраховывая его.

– Так ты что, будешь проверять документы у всех моих людей? – Спросил Леви и рукой с сигаретой показал на танковую колонну, потом повернулся к Цвике и улыбнулся, – вот у лейтенанта еще проверь…

– Нет, господин майор, – ответил сержант и замялся, – но…

Договорить часовой не успел. Раздался мощный гул самолетов, в небе на малой высоте со стороны Суэцкого залива шла пара «Скайхоков».

«Гара[45]!» – В один голос закричали египтяне и бросились к щели возле палатки. Чуть помедлив, туда же помчались сержант-часовой и его враз проснувшийся напарник.

– По машинам! – во весь голос скомандовал майор Леви и побежал к своему танку. За ним, поглядывая на небо, бежал Вайс.

Танк Хагая Леви снес шлагбаум и, набирая скорость, двинулся по дороге на юг в направлении на Рас Абу-Дараг, где уже работала израильская авиация. Майор посмотрел назад. Танки и бронетранспортеры, изрыгая дизелями синеватый дым, шли за ним…

---

[43] Зверь, скотина *(араб.)* – принятое на егип. фронте обращение офицеров к рядовым)

[44] Грубое арабское ругательство

[45] Налет *(араб.)*

* * *

Сохну проехали без остановки. Хагай Леви подивился густой растительностью этого местечка, расположенного между широкой лентой песчаного побережья и черными уступами гор. Мелькнули крыши невысоких построек, примостившихся под пальмами и акациями. Взошедшее солнце начало здорово припекать, воздух становился горячим и неприятно обжигал лицо, броня танка быстро нагревалась…

Через несколько километров справа от дороги на холме Леви увидел наблюдательный пост противника, обложенный мешками с песком. Египтяне даже не удосужились его замаскировать. Сверкнула отраженная солнцем оптика. Танк командира «Шфифона» проскочил мимо. «Пусть парни поработают, – подумал майор, – внесут свою лепту в общее дело…» И приказал по рации уничтожить НП противника. Остановив танк, Хагай Левив бинокль посмотрел, как танковое орудие Вайса вело огонь по наблюдательному посту. Картинка была та еще, почти как на учениях: вспышка взрыва, взметнувшийся песок и повисшее в неподвижном воздухе облако дыма. Леви удовлетворенно хмыкнул.

На подходе к Рас Абу-Дараг, где, по данным разведки, располагались порядочные силы противника, Леви действовал строго по боевому уставу. Когда авиация, наконец, закончила свою работу, танки «Шфифона» заняли предбоевой порядок, затем рассредоточились и открыли огонь из орудий по дымящимся развалинам военного лагеря египтян. Две пулеметные точки быстро подавили. Так же быстро пулеметным огне расправились с расчетом безоткатного орудия Б–10. Смельчаки успели произвести лишь один выстрел, да и то промазали.

Спешившиеся десантники при поддержке БТРовских пулеметов атаковали позиции. Впрочем, добивать там оставалось совсем немного: отдельные очаги беспорядочного сопротивления обезумевших после нескольких мощных авианалетов египтян. Пленных не брали…

– Наводчик, какого черта? – заорал майор Леви.

– Командир, ло еванти. Не понял.

– У них радар еще работает! Антенну видишь? Смоля – левее… Наводи!

– Еванти.

Через какую-то минуту антенный комплекс египетской РЛС был разрушен тремя танковыми снарядами…

– Пленных не брать! – заорал Леви, соскочив с танка и на бегу выхватывая из кобуры свою «Беретту», видя, что бойцы спецназа о чем-то говорят с поднявшими руки арабами, недоумевающими, почему их атаковали свои же египетские братья… – Впрочем, в шуме боя его никто не слышал. – Не брать пленных! – Громко кричал Леви. Он споткнулся и упал лицом в песок.

Поднявшись, Леви подбежал к одному из арабов с поднятыми руками, и разрядил в него половину обоймы. Араб упал и задергал ногами в агонии. Рваные ботинки египетского солдата рыли борозды в политом кровью песке… Командира, наконец, увидели и услышали.

– По машинам! – скомандовал Хагай Леви, глянув на часы. Он смотрел, как спецназовцы короткими очередями из автоматов Калашникова в упор пристреливали падавших на колени египтян и бежали к своим БТРам. – Кончай их, черт возьми! Эш! Огонь! – Леви разразился длинным арабским ругательством и весь потный от напряжения и жары побежал к своему танку. Он вскарабкался на башню, быстро обозрел поле боя и опустился на командирское сиденье. – Сса яшар! – Приказал Леви механику-водителю и вытер рукой мокрое лицо.

…Заафарана встретила танковую колонну «Шфифона» огромными клубами черного дыма. Казалось, что горело все, даже красноватая каменистая земля у подножия холмов и песчаная полоса с островками чахлой растительности, примыкавшая к воде залива. На фоне черных дымов Суэцкий залив под яркими лучами солнца казался особенно голубым, сливаясь на горизонте с безоблачным небом.

– Похоже, наши асы применили напалм, – без удовольствия подумал майор Леви, категорически не признававший использование подобных варварских средств поражения. – Хара[46]! – Он плюнул и достал карту. – Где же радар? – Отыскав позицию радиолокационной станции, он попытался сориентироваться на местности. Дымы мешали. Наконец, определив направление, Леви по рации дал команду двигаться за ним.

От шоссе к закрытой дымом позиции П–12 вела грунтовая дорога, заворачивавшая вправо. На дороге дымились два колесных бронетранспортера, один был перевернут, покрышки чадили, сквозь черноту дыма прорывались язычки пламени… Живых людей видно не было; около БТРов в немыслимых позах валялись сгоревшие до черноты трупы. Прямым попаданием 500-фунтовой авиабомбы разнесло позицию зенитной установки, на ее месте образовалась огромная воронка, а спаренную 23-миллиметровую зенитку отбросило взрывной волной метров на десять… Нескольких египтян страшная смерть настигла около блиндажей. Там земля тоже продолжала дымиться. Запах был отвратительным. Хагая Леви передернуло от омерзения: он впервые близко увидел и ощутил последствия применения напалма.

Авиация потрудилась на славу. Все наземные постройки были полностью разрушены. Кое-где угадывались остатки капониров с техникой: грузовиками, бронетранспортерами и танками Т–34. Блиндажи, возвышавшиеся своими насыпями, изъязвленными попаданиями НУРСов, дымились догоравшим напалмом. Трупов, однако, было немного. Видимо, во время налетов большинство египтян этих передовых позиций 18-й бригады забились в блиндажи, где и погибли, сгорев от напалма.

…По извилистой дороге, ведущей к позиции египетской РЛС, три танка «Шфифона» наконец вышли на дистанцию стрельбы прямой наводкой. Антенну «П–12» было отлично видно. Она не вращалась. Судя по покореженному виду антенного комплекса, и там египтянам досталось от израильских штурмовиков по первое число. Выпустив для надежности по снаряду, танки развернулись, и пошли обратно в сторону залива. Там их уже ждали десантные корабли. В небе барражировала авиация, прикрывая отход «Шфифона» и его погрузку. Операция «Равив» близилась к завершению.

* * *

В ту ночь Полещуку не спалось. Было душно, донимали назойливые комары, где-то далеко громыхали взрывы. Ранним утром, промучившись бессонницей ночь, Полещук встал с кровати. «Бомбят и бомбят, – подумал он, – надо проветриться и посмотреть, где…» Полещук вышел из коттеджа и осмотрелся: ничего не было видно, мешали деревья и кусты. Подумав, что виднее будет со стороны залива, он, покуривая сигарету, неторопливо направился к развилке дороги. Но и оттуда, кроме далекого зарева над горами, Полещук ничего не увидел. «Километров десять-пятнадцать от нас, – прикинул он, – чего-то слишком долго они колошматят…» Море в лучах восходящего солнца было фантастически красивым. У Полещука мелькнула мысль искупаться, но для этого надо было далеко идти, потому что здесь, около Роды, в воде были установлены противодесантные мины.

Внезапно он услышал гул моторов на дороге со стороны Адабийи. Гул становился все мощнее и мощнее. «Явно танки идут, – определил Полещук, – и много…»Вскоре на дороге действительно показалась колонна танков и бронетранспортеров. У развилки колонна остановилась. «Наши, Т–54, – узнал Полещук бронемашины с намалеванными белой краской на башнях арабскими номерами, – едут куда-то ни свет, ни зоря…» Из башенного люка головного танка вылез танкист в черном комбинезоне, спрыгнул на землю, снял танковый шлем и направился к Полещуку. Шнур с вилкой ТПУ едва не касался земли.

[46] Дерьмо *(иврит)*

Высокий голубоглазый офицер с фигурой спортсмена (даже просторный комбинезон не мог скрыть его мощную мускулатуру) в звании майора поздоровался, назвал свое имя – Мухаммад Саид, и завел разговор ни о чем. По его говору Полещук определил уроженца Александрии. «Спасибо Сафвату, – с благодарностью подумал он, – однажды комбат передразнивал своеобразный говор александрийцев…» Очень быстро танкист распрощался и побежал к своему танку. А у Полещука после общения с александрийцем остался какой-то необъяснимый осадок. «Какие-то глаза у этого майора недобрые, – вспоминал он, – и разглядывал меня так, как будто впервые в жизни русского увидел. Нехорошие глаза, злые, хоть и редкого для арабов серо-голубого цвета… Александрийский говор ярко выраженный. Так обычно не говорят, особенно офицеры. Стараются говорить более правильно. А вообще, все может быть.»

…Когда утром Хоменко и Полещук, как обычно, приехали в батальон, подполковника Сафвата не было. «Срочно вызвали к командиру бригады, – сказал начальник штаба майор Лютфи, – что-то случилось…» А через час по всему батальону пронесся слух о беспрецедентном рейде израильтян вдоль побережья залива и больших потерях среди египетских войск.

– Танковая колонна евреев прошла от Адабийи до Заафараны, – пояснил вернувшийся из штаба бригады Сафват. – Танки и БТРы, вроде, египетские. Большие потери в 18-й пехотной бригаде, разбит радар в Заафаране…

– Как они оказались на нашей территории? – спросил Хоменко. – Не с неба же свалились! Целая танковая колонна!

– Не знаю, мистер Василий. – Сказал Сафват. – Шесть танков и три бронетранспортера евреи не могли перебросить по воздуху. Это точно.

– Значит, остается море. – Предположил Хоменко. – Дай-ка, на карту поглядим.

Сафват развернул карту, и оба офицера начали рассматривать участок побережья, по которому прошла танковая колонна израильтян. Полещук тоже посмотрел на топографическую карту, и до него дошло.

– Сафват, я их видел!

– Где?!

– Вот здесь, в Роде. – Полещук показал на карте. – Колонна остановилась на несколько минут. Точно, шесть танков Т–54…

И Полещук рассказал о короткой беседе с майором-танкистом, александрийцем с голубыми глазами.

– Искяндер, тебе неслыханно повезло. – Констатировал Сафват и перевел взгляд на Хоменко. – Да и всем вам, русским, живущим в Роде. Вас элементарно могли убить на рассвете.

…Ни советский военный переводчик лейтенант Александр Полещук, ни майор израильского спецназа «Шфифон» Хагай Леви, конечно же, не могли даже предположить, что они встретятся еще раз. И будущая встреча окажется для обоих не последней…

Глава шестая

В ответ на непрекращающиеся агрессивные вылазки с израильской стороны египетская авиация трижды за сегодняшний день совершала налеты на позиции израильских войск на восточном берегу Суэцкого канала. В заявлении представителя вооруженных сил ОАР, переданном агентством МЕН, говорится, что первый налет египетская авиация совершила на израильские ракетные позиции и радарные установки, а также на позиции израильских войск в центральной и северной части Суэцкого канала.

Во время второго налета были подвергнуты бомбардировке позиции израильских войск в районе Рас Месалла на восточном берегу Суэцкого залива. Именно здесь находится военно-морская база, с которой была совершена 9 сентября вылазка против египетских прибрежных постов в районе Суэцкого залива.

Третий налет авиация ОАР совершила на позиции израильских войск, артиллерийские позиции, склады с боеприпасами и колонну израильских машин в северном секторе канала.

В заявлении представителя говорится также, что в 10 часов 15 минут по местному времени израильские самолеты пытались совершить налет на египетские прибрежные посты в районе Заафарана и Рас Шукейра, но были отогнаны огнем зенитной артиллерии.
(Каир, 11 сентября, ТАСС)

– Что скажешь, дипломат? – генерал-полковник Катушкин потер залысины и жестом указал на стул. – Садись. Вот сюда, поближе.

Военный атташе Сергей Иванов сел на стул и, прежде чем ответить, бросил взгляд на карту Египта. – Да, что тут говорить, Иван Сергеевич, операцию евреи провели блестяще. – Он достал из кармана пачку «Мальборо». – Разрешите курить, товарищ генерал?

– Кури, кури, полковник, – Катушкин пододвинул Иванову пепельницу. – Дай-ка и мне одну испортить, – он вытащил из пачки сигарету и прикурил от зажигалки. – Тут не только курить начнешь, но и пить не просыхая… Мудаки! Вояки хреновы! Полторы сотни только убитыми потеряли… Две новенькие РЛС, кучу техники… – Генерал-полковник пыхнул дымом и вмял недокуренную сигарету в пепельницу.

– Это еще не все, – сказал Иванов. – Вы, надеюсь, в курсе, что арабы скрывают свои реальные потери?

– Догадываюсь.

– 11 сентября египетская сторона потеряла, как минимум, десяток машин, включая семь МИГов–21.

– Как десять? – Катушкин удивленно посмотрел на военного атташе. – Мне доложили: пять.

– Вот я и говорю, что врут.

– Теперь мне понятно, почему Насер сместил начальника Генштаба генерала Исмаила и командующего ВМС. Как его, этого адмирала?

– Зикри?

– Точно, Зикри. Вальяжный такой, из богатеев… А, все они одним миром мазаны… – Генерал Катушкин приблизил свое лицо к Иванову и, понизив голос, спросил: – Ты можешь мне откровенно сказать, Сергей Викторович, почему зеванула разведка? И, ради Бога, не вешай мне лапшу на одно место, я же знаю, что вы в контакте с ихней разведкой… – генерал почесал затылок, – как ее называют по-местному?

– Кого вы имеете в виду, Иван Сергеевич? Мухабарат?

– Именно. Не выговоришь, на х… й. Ну и язык! Тарабарщина!

– Какие контакты, товарищ генерал? Громко сказано, это даже не Варшавский Договор. Африка, Египет… – Военный атташе пристально посмотрел в глаза генерала. Тот, нахмурив брови, ждал ответа. – Всего не могу, товарищ генерал. Даже вам. Служба такая, извините… – Иванов, не подчинявшийся главному военному советнику, подумал, что он не только не должен вести с ним беседы на подобные темы, но и вообще встречаться в кабинете. Он знал, что нарушает инструкцию, и сознательно пошел на контакт с генералом, посчитав эту встречу исключением из правил.

– Не дипломатничай, твою мать! – Катушкин заерзал на стуле от нетерпения и вдруг спросил: – Выпить хочешь? – Иванов отрицательно качнул головой.

– Не время, Иван Сергеевич. Да и жарко.

– Ладно, понимаю. На то ты и дипломат. Не можешь пить водку, доложи что можно по своей конторе. Я все-таки не какой-то хмырь с горы в лохматой шапке, а сам знаешь кто. – Генерал замолчал. Вид у главного военного советника был раздосадованный. Какое-то время молчал и Иванов.

– Видите ли, Иван Сергеевич, дело в том, что операция эта готовилась в режиме строжайшей секретности даже у них, евреев. По нашей информации, ее готовил израильский Генштаб, а выполняло подразделение коммандос, переодетое в египетскую форму. Танки и бронетранспортеры трофейные, то есть наши, а евреи говорили на арабском языке…

– Это я знаю, доложили. Давай по существу. – Раздраженно сказал Катушкин.

– А по существу, Иван Сергеевич, оперативная информация о том, что Генштаб что-то готовит, у нас имелась. И мы информировали об этом сотрудников мухабарат. Более того, несмотря на то, что место и время операции были неизвестны, наши аналитики предположили, что объектами могут быть радарные установки… – Иванов замолчал.

– Чего молчишь, дипломат? Аналитики, аналитики… Договаривай!

– К сожалению, товарищ генерал, мы не смогли раскусить весь план операции, информации оказалось крайне мало. Никто не предполагал, что вместо обычного воздушного десанта будет задействовано бронетанковое подразделение, высаженное с моря. Вот евреи и чесанули на 90 километров при поддержке авиации. – Иванов опять замолчал, как бы раздумывая, что можно еще сказать главному военному советнику. – А вообще, Иван Сергеевич, это не наша прерогатива.

– А чья?

– Местной стороны.

– Ну, ты же видишь, что эти м… и ничего не могут. Разведка ху… вая, ПВО и ВВС в полной жопе! Надо помогать!

– Как, товарищ генерал? – лицо Иванова искривилось то ли от матерщины генерала, то ли от его абсолютно дурацкой просьбы помогать египтянам. Ему, резиденту ГРУ. – Неужели Катушкин не понимает, что советской военной разведке в Египте ставятся совсем другие задачи, – подумал Иванов и сказал:

– У нас нет агентуры в израильском Генштабе. Это же евреи! – Военный атташе привстал со стула.

– Как, как… Думай!

– Полагаю, не мне надо думать в первую очередь, Иван Сергеевич.

– Если ты имеешь в виду Москву, то там уже думают. Более того, планируют… – Генерал Катушкин встал из-за стола и подошел к карте, посмотрел на нее. – Впрочем, чего тебе говорить, сам знаешь больше меня…

– Да, знаю. И еще знаю, Иван Сергеевич, что скоро в Израиль поступят новейшие американские самолеты: Ф–4 «Фантом». У евреев уже сейчас полное господство в воздухе, а

будет абсолютным. Без новых самолетов и зенитно-ракетных комплексов египтяне обречены на поражение.

– О поставках техники не нам с тобой решать. А свои соображения я уже доложил Москве.

Резидент ГРУ Сергей Иванов многого не сказал главному военному советнику. Да и не мог сказать. Он не сказал, что Центр информировал его о продолжавшихся контактах Мирвана Хасана с сотрудниками лондонского бюро израильской разведки «Моссад»; о том, что этот молодой египтянин действительно является родственником президента Насера по линии жены; о том, что получено добро на подготовку оперативной игры с этим высокопоставленным «зятем». Резидент не имел права говорить генерал-полковнику Катушкину о проблемах, связанных с выходом на людей в высшем военном руководстве страны, без которых советская разведка в Египте, по сути, почти слепа и не знает всех планов египтян в отношении перспектив военно-технического сотрудничества с Советским Союзом и другими государствами. Он вообще не должен был говорить с генералом, общение между ними допускалось только на дипломатических приемах. И то ни о чем – ведь глаза и уши имеют даже стены посольства.

Что же касается недавнего дерзкого рейда израильских коммандос, то резидентура действительно ничего не знала, как, впрочем, не владел этой информацией и всемогущий Центр. Насчет аналитиков, радаров и прочего, Иванов в беседе с Катушкиным попросту слукавил: никакой оперативной информации египетской военной разведке сотрудники резидентуры не сообщали. Да и контакты с мухабарат были, можно сказать, символическими. И вряд ли будут другими.

…Наконец всем советникам и переводчикам 6-й бригады разрешили выехать на отдых. Комбат Сафват получил отпуск несколько дней назад и уже был в Каире. Ближе к вечеру в четверг Полещук, как договаривались, позвонил Сафвату домой. Подполковник ответил на арабском языке, вызвав небольшое замешательство Александра. Однако он быстро сообразил, что Сафват решил соблюдать конспирацию, на случай прослушки телефона спецслужбами. А это могло означать только одно: внеслужебные контакты египетских офицеров с русскими не поощряются.

Сафват сказал Полещуку, когда он подъедет к Насер-сити–3 и в каком месте его ждать. Это место было недалеко от многоэтажки хабиров, на дороге, ведущей в Гелиополис.

Через четверть часа подъехал чистенький белый «Мерседес», из него выглянул Сафват и махнул Полещуку рукой. Полещук забрался на переднее сиденья и «Мерседес», быстро набрав скорость, оказался в потоке автомобилей. Сафват лишь поздоровался с Полещуком, спросил, как дела, и замолчал. Куда он едет, Полещук не спрашивал.

Проехали Гелиополис. За окнами «Мерседеса» потянулись кварталы старого города: улицы, запруженные сигналящим на разные голоса транспортом, мрачноватые переулки, дома в викторианском стиле, мечети и сверкающие ярко освещенными витринами магазины. Не доезжая площади Рамзеса, Сафват резко повернул направо.

– Шубра, – коротко пояснил он и добавил: – христианский район…

Полещук повернул голову налево и посмотрел на Сафвата в ожидании продолжения, но тот молчал. Невольно Полещук залюбовался чеканным профилем лица Сафвата, напомнившим ему древнеегипетские фрески и фараоновские папирусы. – Вот, они какие копты – потомки древних египтян… Широкий лоб, правильный нос, чуть расширенные ноздри, красиво очертанные полные губы. И черные бархатные глаза. – Подумал он. – Но все-таки чем-то неуловимым копты отличаются от арабов-мусульман. Или это мне кажется?

Припарковав «Мерседес» у неприметного здания, плотно зажатого такими же домами, Сафват заглушил двигатель.

– Пошли, Искяндер! – Сказал он, выбираясь из машины.

– Куда, Сафват?

– Иди за мной.

Захлопнув дверцу «Мерседеса» Полещук пошел за Сафватом. «Кафе-бар» – прочитал он на небольшой вывеске, но названия, написанного витиеватой вязью, разобрать не успел. Поднялись на второй этаж и очутились в баре. Полумрак, четыре столика со стульями, стойка бара, за которой шеренги разнокалиберных бутылок с напитками, негромкая арабская музыка и ни одного посетителя… За стойкой высился дородный египтянин, лет под пятьдесят, в рубахе навыпуск с коротким рукавом. Увидев Сафвата, египтянин заулыбался и, раскинув руки, пошел навстречу.

– Давно, давно не заходил ко мне, дорогой брат Сафват, – сказал он, – добро пожаловать в мой бар! – Сафват и бармен обнялись и дважды прикоснулись губами к щекам друг друга.

– Мой друг Искяндер, – представил Сафват Полещука, не сказав ни слова о его неегипетской национальности. Полещук пожал бармену руку.

– Махмуд, – назвал бармен свое имя и спросил – Что будут пить господа?

– Есть русская водка? – спросил Сафват и обвел глазами шеренгу бутылок за стойкой бара.

– Нет. Русской водки, к сожалению, нет. Будет завтра или послезавтра, – огорченно ответил Махмуд. – Но имеется английская – «Борзой» водка. Тоже неплохая.

– «Бейда ин-нахарда ахсан мин фарха букра»[47], – сказал Сафват бармену. – Неси нам бутылку английской собаки. Отопьем, сколько сможем.

Сафват и Полещук устроились за столиком. Сафват, прислушался к музыке и сказал Полещуку: – Умм Кульсум поет, лучшая певица Египта.

– Вот эта? – Полещук показал рукой на стену, где висела журнальная фотография полной женщины в темных очках, знакомая ему по рекламе в египетских газетах, которые он, учась в ВИИЯ, штудировал в обязательном порядке.

– Да, это Сума. Старая уже, но голос божественный… Кстати, Искяндер, сегодня попозже будет прямая трансляция ее концерта по радио. Редкий случай, надо успеть…

Куда успеть, Полещук не понял, но уточнять не стал. Появился Махмуд с высокой бутылкой, на этикетке которой был изображен профиль собаки соответствующей названию породы. Махмуд поставил на столик бутылку, два высоких стакана, бокал с кубиками льда, и ушел. Через пару минут вернулся с двумя тарелками, одна из которых была наполнена соленым арахисом, а другая – смесью квашеных овощей, называемых «турши».

Сафват разлил водку по стаканам, кинул в свой пару кубиков льда и поболтал. Полещук потрогал рукой свой стакан и тоже опустил в него лед. Чокнулись и молча выпили водку.

– Да, не «Столичная», – поморщился Сафват, – слабовата. Крепости совсем нет… – Он взял несколько орешков и бросил их в рот.

Полещук взял бутылку и стал рассматривать: – 37 с половиной градусов. Действительно, для нормальной водки слабовата. – Потом закусил «туршами», выбрав из тарелки маленький огурчик и веточку цветной капусты.

– Сафват, почему ты сегодня только на арабском общаешься? – спросил Полещук и посмотрел в глаза Сафвату. – Ведь мы договорились…

– Так надо, Искяндер, – Сафват потянулся за сигаретами, – тебе же лучше, хавага, для практики. – Он бросил взгляд на Махмуда, занятого протиранием стаканов, потом взял бутылку «Борзой» и плеснул водки в стаканы. Посмотрел на бокал со льдом. – Давай, еще выпьем. Безо льда.

– Ялла! Давай! – Полещук прикоснулся своим стаканом к стакану Сафвата. – Сыххатак! – Оба выпили.

---

[47] «Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра» (араб. егип. пословица).

…После третьей или четвертой порции водки Сафват заметно расслабился и заговорил, не забывая при этом бутылку «Борзой» водки.

– Я – богатый человек, Искяндер. У меня много земли в Верхнем Египте, но заниматься этим мне совсем не интересно. Есть там управляющий, который ведет все сельскохозяйственные дела. А я бываю наездами, смотрю, чтобы не очень воровали, ну, и деньги, разумеется, беру… Вообще, не мыслю себя вне армии.

Сафват прикурил очередную сигарету и задумался, вертя в руках серебряный «Ронсон».

– Воевать начал молодым лейтенантом в Йемене, где в 1962 году шла гражданская война и наши войска поддерживали республиканцев. Да, пришлось понюхать пороху, Искяндер. Правильно кто-то из ваших сказал, что гражданские войны самые жестокие, нет выхода ни одной из воюющих сторон, обе на своей земле… Дикая резня, море крови…

Глаза Сафвата затуманились воспоминаниями. Он вздохнул и налил в стакан немного водки.

– Однажды едва под трибунал не попал. Собрался жениться, а в Каир не пускали… В общем, улетел без разрешения. Спас земляк, Мустафа Хамди. Он сейчас большой человек: заместитель военного министра генерала Мухаммада Фавзи…

Полещук внимательно слушал откровения Сафвата, прерывая его лишь тогда, когда не понимал какое-то слово. Обычно веселый и жизнерадостный Сафват сегодня был другим: грустным и задумчивым, совсем не похожим на того комбата в блиндаже под Суэцем. Полещук никак не мог уразуметь причину этой метаморфозы…

В баре появилась троица молодых людей. Громко разговаривая и жестикулируя, они подошли к стойке, обсудили разные сорта алкоголя и заказали местное пиво. Устроившись на высоких стульях там же, у стойки бара, стали разливать «Стеллу» по стаканам. Болтали без остановки, дымя дорогими американскими сигаретами. Сафват сердито наблюдал за ними, курил и мрачнел. Потом не выдержал, встал и подошел к ним. Что он сказал шепотом парням, Полещук не расслышал. Но те, быстро допили пиво и, с опаской кося глаза на Сафвата, поспешили к выходу.

– Что ты им сказал? – Удивленно спросил Полещук.

– Неважно. – Сафват первый раз за вечер улыбнулся. – Хотят казаться золотой молодежью… Ислам. Они же мусульмане…

Он сел на свое место.

– А потом была другая война. В 1967 году, ты знаешь, Искяндер, полное наше поражение за шесть дней. Я тогда был командиром разведроты. Попал в плен…

Сафват взял бутылку «Борзой».

– Будешь еще?

И не дожидаясь ответа Полещука, плеснул понемногу в стаканы.

– Плен – это отдельная история… Евреи измывались над нами… Особенно женщины. Они же служат в армии. Приходили в лагерь военнопленных, выбирали самых красивых арабов и насиловали…

– Как это насиловали? Бабы насиловали мужиков?

– Ну, да. Насиловали в прямом сексуальном смысле, перевязывая им семенной канатик… Страшное дело, Искяндер. Потом некоторые из этих ребят пропали… Не знаю, убили их еврейки или что-то еще. Пропали бесследно. Меня Бог миловал. Потом взяли подписку и обменяли на пленных евреев. Или на их трупы…

– А что за подписка, Сафват?

– Я подписался, что никогда не буду воевать против Израиля.

– Но ты же воюешь?! – воскликнул Полещук.

– Да, воюю. Но если попаду в плен, меня сразу же расстреляют. Вот, так, друг мой.

– Сафват, а что будет дальше?

Полещук понимал состояние арабского офицера, находящегося в хорошем подпитии. Впрочем, он и сам прилично забалдел от выпитого. Неизвестно, кто больше. Но сама обстановка не позволяла Полещуку полностью расслабляться – пока он еще осознавал, где он и с кем он. Не с врагом, конечно, но и не с…

Вообще-то Сафват, по идее, был другом, но Полещука что-то настораживало. Этот рассказ об изнасиловании еврейками пленных арабов, прямо как в фашистском концлагере, вряд ли такое возможно… Приврал, наверное, подполковник. Хотя, какой смысл? Настроить против израильтян? Какая ерунда! За годы учебы в ВИИЯ преподаватели и замполиты железно вбили в молодые мозги будущих переводчиков-арабистов, что империалистическая Америка – враг, а Израиль – ее форпост на Ближнем Востоке, то есть тоже враждебное государство. Потому и разорваны дипотношения, потому и помогаем арабам в их справедливой войне…

Настороженность Полещука имела на самом деле несколько другую и весьма вескую причину: он, советский офицер, находится в несанкционированном контакте с подполковником местной стороны. А за такие контакты, да еще и с пьянкой, по головке не погладят. Если, конечно, узнают. Впрочем, ни хрена уже его не останавливало.

– Наливай!

И Полещук подставил свой стакан.

«Хабиби…»[48], – протяжно взывал из динамика голос Умм Кульсум.

– А ничего не будет, – усмехнулся в усы Сафват, – вот сейчас выпьем и поедем к Идрису.

– К какому Идрису?

– Искяндер, не задавай лишних вопросов. Я сказал, поедем. Ялла!

Выпили. Сафват буквально приказал (еще бы, он – подполковник и комбат!)Полещуку идти к машине, а сам, о чем-то пообщавшись с барменом и не заплатив, пошел следом.

– Ялла, ялла! Пошли!

– Сафват, а деньги?

– Тебя не касается, хавага! Иди к машине!

– Какой я тебе хавага? – вдруг взъерепенился Полещук, зацепившись за неблагозвучное для него слово. – Ты чего, совсем того? Хавага…

Сафват с удивлением посмотрел на Полещука.

– Искяндер, ты никак обиделся? Не обижайся, дорогой, ты, наверное, не понимаешь, что хавага – это господин по-нашему. Я же тебе говорил. Так же и к нам, коптам, обращаются. Ей-богу не вру. И Бог – свидетель! Ладно, поехали.

– Стоп, Сафват, ты же здорово выпил!

Полещук посмотрел на заметно поддатого египетского офицера, сам удивляясь своей, как он подумал, стойкости: – Вот она – советская виияковская школа!

Конечно же никакая водочная закалка была здесь абсолютно ни при чем. Более-менее трезвое состояние Полещука объяснялось совсем другим: когда пьешь в чужой стране с офицером иностранной армии, как бы он не демонстрировал свое дружеское расположение, нервы все равно напряжены до предела. А вдруг что случится? К тому же подобные развлечения есть грубейшее нарушение тех самых пресловутых «Правил поведения советских граждан за рубежом», за что можно вылететь из Египта в мгновение ока. Так что кайф от такой пьянки весьма и весьма относителен: трудно забалдеть по-настоящему, как со своими…

– Ну, и что? Маалешь, ерунда, – ответил Сафват, садясь за руль своего белого «Мерседеса». – Ялла бина![49]

Ехали быстро и недолго. Не успел Полещук опомниться, как Сафват припарковался у какого-то дома.

---

[48] Мой любимый *(араб.)*

[49] Поехали! *(егип.)*

– Давай, Искяндер, скоро будет Ум Кульсум!

– Какая, к черту, Умм Кульсум? Она же только что пела!

– В баре была запись. Ты совсем забыл, дорогой, сегодня ее концерт, прямая трансляция. Это праздник для всего Египта…

Идрис, немолодой актер какого-то египетского театра, встретил их радушно, и, как показалось Полещуку, слишком уж суетливо. Он побежал к холодильнику и, восторженно крича, вытащил из него пол-литровую бутылку: – «Праздничная», господа, вы не поверите, – настоящая русская водка! Досталась по случаю…

Ни Полещук, ни Сафват этому почему-то не удивились, хотя вид соответствующий сделали.

– Ну ты, Идрис, даешь! – сказал Сафват, – мы тут с Искяндером по барам прошлись, – он подмигнул Полещуку, – и русской водки не нашли. А у тебя вот, пожалуйста! Ну, ты, брат, настоящий артист! Твою мать! – Последнее, матерное, Сафват произнес по-русски.

Идрис, не понимая Сафвата, суетился, подставляя бокалы и бегая время от времени к холодильнику за какими-то закусками.

– Да успокойся ты, брат, – не выдержал Сафват, – мы же пришли к тебе на Умм Кульсум! Давай-ка, включай радио!

Идрис включил радио, и оба египтянина на какое-то время застыли в экстазе: «Хабиби, акбаль аль-лейля… – проникновенно пела Умм Кульсум, – инта хайяти…»[50] Полещук мало что понимал и, хуже того, не мог выражать восторг, слушая незнакомую и не совсем непонятную ему арабскую песню. Но, надо было вести себя так, как будто всё это ему безумно нравится. Что он и старался делать изо всех сил. Ужасно было то, что примадонна пела очень долго…

– Хорошо поет, – скромно сказал Полещук, грустно глядя на чуть початую бутылку «Праздничной».

– Ничего ты, русский, не понимаешь, – укоризненно заметил Сафват и взял бутылку. – Ялла! Давай свою стакану! – Вспомнил он русский язык.

– Не стакану, а стакан, – назидательно поправил Полещук, – на! – Он подставил Сафвату стакан и оглянулся, – а где артист?

Едва Сафват налил водку, как с диким воплем из соседней комнаты выскочил Идрис с пистолетом в руке.

– Аллаху акбар! – заорал он и выстрелил в потолок.

Реакция Сафвата была мгновенной: через секунды Идрис лежал на полу с завернутыми за спину руками и мычал от боли. Пистолет упал рядом. Полещук поднял его, рассмотрел и сказал:

– Сафват, это пугач! Отпусти артиста!

– Вы чего, ригяля[51], шуток не понимаете? – сказал Идрис, со стонами пытаясь подняться с пола. – Вы чего, на самом деле? У меня спектакль сейчас со стрельбой…

– Да, пошел ты! – потирая руки сказал Сафват, – артист, твою мать! Мы таких артистов… – Лицо Сафвата перекосилось от гнева. Таким разъяренным Полещук его еще не видел. – В Суэц бы тебя под еврейские бомбы! А, пустое! Пошли, Искяндер!

Заунывно пела Умм Кульсум. На столе стояла недопитая бутылка русской водки под названием «Праздничная». Праздника не получилось: Сафват и Полещук, оставив Идриса на ковре его шикарно обставленной квартиры, поторопились к выходу.

– Ялла, Искяндер! Ялла бина, хавага!

---

[50] Мой любимый, я не тороплю эту ночь… Ты – моя жизнь…*(араб.)*

[51] мужики *(егип.)*

– Мне все-таки непонятно, Сафват, – вспомнил Полещук то, что его удивило, – у тебя такие влиятельные друзья, как зам военного министра, а ты – всего-навсего подполковник и командир батальона?

Сафват, небрежно крутивший руль, повернулся к Полещуку:

– Я же – армейский хулиган, – он громко засмеялся, – Искяндер, к тому же я – христианин-копт в мусульманской стране, а это многое значит. Мы, копты, чтоб ты знал, не можем занимать высоких постов в государстве. И, естественно, в армии.

Сафват остановил машину, покопался в бардачке, что-то достал и стал колдовать с сигаретой.

– Гашиш будешь курить, Искяндер?

– Нет, не хочу, – отказался Полещук, вспомнив «Майора» с его хамасташар и травкой.

– А зря, дорогой, гашиш великолепная вещь, мозги приводит в порядок. Впрочем, у вас, русских, все по-другому…

Сафват смешал табак с гашишем, свернув сигарету, прилепил невероятным для Полещука образом к ней фильтр и закурил. Пару раз затянувшись и получив желаемый кайф, он повернулся к Полещуку.

– Куда едем, лейтенант? Может, продолжим?

– Нет, нет, нет! – запротестовал Полещук, – только домой. С меня хватит!

– Ну, домой, так домой! – не стал возражать Сафват, дымя своей гашишной сигаретой. – А жаль, Искяндер, я хотел тебя в свой дом пригласить. С дочкой, кстати, познакомить. Отличная девчонка, между прочим.

– Давай, в другой раз, а, Сафват? Может, завтра?

– В другой, так в другой, – Сафват резко повернул руль налево, – домчу тебя до дома, – если будем живы, то… – он замолчал, обходя на скорости какую-то машину, – в общем, все в руках Господа нашего. Завтра. Как у нас говорят: «Сабах муш аиз мисбах»[52] – Переводи, Искяндер, тренируйся!

– «Утром не нужна лампа» – дословно перевел Полещук.

Дальше было скверно. Сафват высадил Полещука неподалеку от Насер-сити–3 и уехал. А Полещук, пробираясь домой, наткнулся на картину: известный всем куратор советских хабиров, контрразведчик, египетский подполковник Бардизи зажимал в темноте какую-то, без сомнения, русскую бабу.

– Ну, все, я попался, – подумал Полещук, – этот точно нашим заложит. «Мерседес», позднее время, египтянин привез… Не на такси… Вот, не повезло! – Полещуку уже успели рассказать про любвеобильного контрразведчика Бардизи, испытывавшего страсть к женам русских хабиров, особенно блондинкам, и вообще ко всем смазливым и податливым молодым женщинам… – Но так по-глупому залететь… – подумал Полещук, стараясь не смотреть в сторону Бардизи. – А, пошел он на фиг, – решил он и, миновав парочку, направился к лифту, чтобы забраться на свой тринадцатый, спасительный, этаж. – Будет, что будет…

[52] «Утро вечера мудренее» *(егип. пословица)*

Глава седьмая

Как сообщил египетский военный представитель, вчера в 16 часов по местному времени несколько израильских самолетов совершили налет на позиции египетской артиллерии в южной части Суэцкого канала. Огнем египетской зенитной артиллерии был сбит один из воздушных пиратов – самолет типа «Скайхок», остальные вынуждены были покинуть воздушное пространство ОАР.

Этому налету, согласно заявлению военного представителя, предшествовала трехчасовая артиллерийская перестрелка в северной и южной частях Суэцкого канала, спровоцированная израильской стороной. Египетские артиллеристы метким огнем подавили огневые точки противника.

(Каир, 24 сентября, ТАСС)

…Взрыв был страшен. Оглушенного Полещука подбросило взрывной волной, всё вокруг завертелось огненной каруселью и …пропало. Он потерял сознание. Очнулся на обочине дороги в груде песка. Глаза слезились, в голове стоял сплошной гул. Полещук приподнялся на руках, но ничего, кроме слепящего солнца, не увидел. Он вытолкнул изо рта комок слизи с песком, тяжело прокашлялся и обессиленный опустился на горячую землю.

Постепенно возвращалась память: внезапный вой пикирующего самолета, взрыв перед машиной, гулкая очередь, крик Хоменко: «Стэна! Тормози, твою мать! Сашка, беги-иии…!» Полежав немного, Полещук протер рукавом глаза, стряхнул ладонью песок с головы, провел рукой по лицу, охнул и поднес ладонь к глазам – кровь. Он с трудом встал на колени. Увиденное не внушало оптимизма: перевернутый ГАЗ–69, рядом с ним на песке – неподвижный подполковник Хоменко. Больше никого. Полещук посмотрел вокруг: дорога и пустыня без признаков жизни. Он потрогал гудящую голову, мельком оглядел себя – грязный, но вроде целый – и, поднявшись на дрожащие ноги, побежал к Чапаю. И чуть не упал, почувствовал резкую боль в левой ноге.

– Василь Иваныч! Вы живы?

Полещук с трудом перевернул лежащего ничком советника и осмотрел его. Пятна крови на хаки были, но ткань, похоже, не разорвана. Полещук пальцами потрогал окровавленные места и немного успокоился, не обнаружив ранений. Но Чапай не приходил в себя, глаза его были закрыты.

– Василь Иваныч, ну что же вы? Ну, очнитесь же!

Полещук положил руку ему на лоб, а затем ударил по обеим шекам. Советник не отреагировал. Полещук приложился своим ухом к его груди, сердце билось!

– Товарищ подполковник! Ну, ну, давайте же!

Наконец, Чапай открыл глаза, поворочал ими непонимающе, и опять закрыл.

Полещук, подойдя со стороны головы, взял Хоменко под мышки и попытался его поднять.

– Надо встать, Василь Иваныч!

Тело советника было неподъемным, и после нескольких попыток обессиленный Полещук оставил его на земле и, припадая на левую ногу, пошел к машине. То, что водитель убит, он понял с первого взгляда: осколок разворотил солдату грудь, все рядом было в уже запекшейся на солнце крови, руки намертво вцепились в рулевое колесо… Вездесущие мухи облепили окровавленное тело. Вытаскивать солдата из перевернутого газика Полещук не решился. Да и смысла никакого не было. Он посмотрел в сторону Хоменко и увидел, что тот пытается встать.

– Василь Иваныч, погодите! – Полещук, прихрамывая, побежал к Чапаю, – я помогу. Ради Бога, подождите секунду!

– Да, Саня! Помоги встать! – прохрипел Хоменко и, стоя на коленях, протянул руки к Полещуку. Тот с неимоверным усилием помог советнику подняться, а сам в изнеможении упал на задницу, посмотрел на Хоменко и осклабился: – живы, слава Богу!

– Надо же, чуть не окочурился в этом гребаном Египте! – подполковник опустился на песок рядом с Полещуком. Его полевая форма была в пятнах пота с кровью. Кровью не его, а, как догадался Полещук, убитого водителя, каким-то образом оказавшейся на одежде советника. Лицо Чапая было странно-серого цвета с кровоточащими царапинами на лбу.

– Прошел всю войну, понимаешь, а здесь… – он посмотрел на пустыню и тягуче сплюнул, – едва концы не отдал…

– А что это было, Василий Иванович?

– Что, что! А ты не понимаешь? Ракета! Штурмовик-охотник нас поймал. «Скайхок», наверное. Они же ловят мудаков, вроде нас с тобой, на пустынных дорогах. И какого хера мы поперлись по этой дороге? Я-то, старый козел, о чем думал, когда согласился ехать? Обрадовался, что газик в кои-то веки выделили… А чего водила-то? Хоменко резко повернул голову к машине, и со стоном схватился за шею.

– А-ааа! Больно, бля! Так что с ним?

– Убит, Василь Иваныч, – ответил Полещук коротко.

– Точно, Саня? – Хоменко помассировал шею и вытер руку о грязные штаны.

– Куда уж точнее. Можете поглядеть – наповал, осколком в грудь.

– Чего делать будем, а?

– Это вы меня, переводчика, спрашиваете? – Удивился Полещук.

– А кого же еще? – Хоменко с трудом встал и посмотрел вокруг. – Ты же у меня единственная надежда. Кричи по-арабски: спасите, помогите! Я же этих ваших тарабарских язы́ков не знаю…

Полещук пошел к газику. Пытаться вытащить документы из нагрудного кармана убитого водителя он не стал. Лишь взглянул на кровавое месиво, рукой отогнал мух и содрогнулся. Солдатика было жалко, а он даже не запомнил его имя. Полещук взял из машины «Порт-Саид», две обоймы к нему и побрел к Хоменко. Тот кивнул головой, мол, все делаешь правильно.

Солнце припекало. Дико хотелось пить, но воды не было ни капли: фляга водителя была пробита осколком, а ни у Хоменко, ни у Полещука никаких емкостей с водой не имелось. Не выдавали русским хабирам ни фляг с водой, ни оружия, вроде как им это не нужно. Полещук и Хоменко сидели на обочине дороги возле машины и молча ждали, что кто-нибудь появится.

– Так куда поедем? – Прервал молчание Полещук. – Мы на полпути между…

– Да, знаю я, Саша, – пересохшим голосом ответил Хоменко, – куда будет машина, туда и поедем. – Господи, как жарко! – Он лег на живот и скрестил над головой руки.

Прошло еще томительных полчаса. Дорога по-прежнему была безлюдной. Оба они понимали, что допущена досадная ошибка: не стоило ехать по этому пути, здесь по пустынной дороге, ведущей в Суэц через Исмаилию, вообще редко ездят. Обычно предпочитают не эту, а другую, прямиком из Каира в Суэц. Или, если имеется время, выбирают так называемую «зеленую» дорогу на Исмаилию, а оттуда вдоль канала – на Суэц.

«…Путь-дорожка фронтовая, не страшна нам бомбежка любая, – вдруг тихо, едва слышно, запел подполковник Хоменко хрипло-осипшим голосом, – помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела…»

– Василь Иваныч, – Полещук с удивлением посмотрел на советника, – что с вами? Вам плохо? – Спросил он, с ужасом предположив, что у подполковника «поехала крыша».

– Да, Саша, херово… Потому и пою, – Хоменко тяжело вздохнул и криво улыбнулся Полещуку. – Черт побери, Сашка, мы же советские люди, офицеры… Мы не можем… – он тяжело дышал, – мы не должны подохнуть в этой пустыне…

Песочно-зеленоватая ящерица бесстрашно подползла к людям и застыла, приподняв змеиную головку. Хоменко и Полещук поглазели на рептилию, и обоим стало еще тяжелее: маленькая ящерка – единственное живое существо, оказавшееся рядом с ними… На дороге показалась машина. Но радоваться спасению сил уже почти не было. Иди, Саня! – с усилием прошептал Хоменко, приподнявшись и глядя на приближавшийся грузовик.

Полещук похромал на дорогу, стал посередине и поднял обе руки вверх. Грузовик с камуфляжной расцветкой остановился. Выскочившие из кабины два египтянина, один из них – с сержантскими нашивками, все поняли с полуслова. Затащили советника в кабину, рядом сел Полещук, а сержант полез в гружёный чем-то кузов. Машина направлялась в Исмаилию, но Полещук приказал ехать в ближайший госпиталь, так как русский полковник ранен и ему срочно нужна помощь. Возражений не было. Нашлась полная фляжка воды. Это было то самое счастье, о котором оба мечтали. Флягу мигом ополовинили, а затем Полещук, смочив носовой платок, обтер лицо Хоменко. Свое, глянув на платок, вытирать не решился и выбросил окровавленный комок в окно…

– Радд[53]. – Мгновенно поставил диагноз Аббас, врач-старлей палестинского госпиталя, осмотрев Хоменко и выслушав рассказ Полещука. – Господину советнику надо полежать в госпитале. Хоть контузия и легкая. Да и вам, мутарджим[54], госпитализация тоже желательна.

– Нет, никакого госпиталя, – заупрямился Хоменко, выслушав перевод Полещука, – ты скажи ему, – он показал глазами на доктора, – нам срочно надо в бригаду. Срочно, понимаешь? Полещук перевел. Старший лейтенант Аббас понимающе кивнул головой:

– Надо, так надо. Пусть полежит в другом месте. Но, объясните господину советнику, – сказал доктор Полещуку, – постельный режим для него обязателен. В противном случае могут быть нежелательные последствия. Поймите, контузия – это не шутка.

– Хорошо, доктор, я все понял, – ответил Полещук, – постараюсь, чтобы хабир выполнил ваши рекомендации. – Он помог Хоменко подняться с кушетки и повернулся к палестинцу.

– Ногу мою посмотрите, пожалуйста. Болит. – Полещук снял свой модный офицерский полусапог и показал на больное место. Доктор осторожно пощупал гематому в районе голеностопа и сказал: – К счастью, ничего серьезного. Ушиб и небольшое растяжение.

– Будете жить, мутарджим! – засмеялся палестинец Аббас, – всемогущий Аллах вам помогает. Нужна лишь стягивающая повязка. Сейчас перевяжу.

– Спасибо, доктор, – обрадовался Полещук, – повязка после, нужен телефон. До бригады добраться.

– Нет проблем, мутарджим. Пойдемте. Нет, лучше давайте я перевяжу вашу ногу. – И старлей направился к шкафчику. – Если сильно болит, – он открыл стеклянную дверцу и повернулся к Полещуку, – могу укол сделать.

– Терпимо, на надо. Может, советнику сделаешь?

– Ему укол не поможет. Разве что для поддержания сердечной деятельности. И постель и покой. Что вы там обсуждаете? – Спросил Хоменко, услышал знакомое слово. – Про меня, небось, талдычите?

– Про вас, про вас, Василь Иваныч, – сказал Полещук, – доктор вот предлагает укол вам сделать. Обезболивающий, и для сердца.

– Да пошел он на хер со своими укольчиками. Обойдусь. Давай, Саня, решай вопрос с машиной. Ехать пора. И так уже больше полдня добираемся…

---

[53] Контузия *(араб.)*

[54] Переводчик *(араб.)*

Полещук дозвонился до бригады, коротко сообщил дежурному офицеру о том, что с ними случилось, что водитель убит, и попросил прислать машину в палестинский госпиталь. Солдат-санитар, по приказу доктора, принес русским крепчайший, цвета дегтя, чай с лепешками. Примерно через час приехал газик командира пехотной бригады…

– Искяндер, где мистер Василий? – с тревогой в голосе спросил Сафват у Полещука, лежавшего с мокрой тряпкой на лбу на топчане штабного блиндажа. – Лежи, лежи, азизи[55], – добавил он, увидев, что Полещук силится подняться.

– В Каир повезли, в госпиталь, – ответил Полещук, все же опустив ноги на пол. – Ему хуже стало, сказали – контузия… Ты не волнуйся, мужик он крепкий, будет жить…

– Так, а ты почему здесь? Я же вижу, что тебе тоже досталось.

– Да ерунда, Сафват. Царапины. И потом сам Василий сказал мне остаться – кто-то же должен быть здесь. Из наших. Ну, позвонить, ежели что…

Комбат вытащил пачку «Клеопатры» и вопросительно посмотрел на Полещука:

– Курить-то тебе не вредно?

– Курить вредно всем. А мне, больному, – можно. Давай! Я же вообще без всего остался: ни сигарет, ни еды, ничего…

– Да знаю я, рассказали о ваших подвигах. – Сафват посмотрел на «Порт-Саид» с двумя обоймами, лежащие около топчана. – Чай, кофе, Искяндер?

– Спасибо, Сафват, уже напоили. Слушай, а нет чего-нибудь покрепче?

Сафват ничуть не удивился и со словами: «Ну, эти русские! Есть кое-что для тебя», достал фляжку и протянул Полещуку. – Хлебни, припас на всякий случай.

Кое-что оказалось выдержанным виски. Полещук сделал пару глотков и лег на топчан. Голова его закружилась, лоб покрылся испариной. Сафват наклонился над переводчиком: – Тебе плохо?

Он повернулся ко входу в блиндаж: – Эй! Как тебя? Солдат! Твою мать! Санитара сюда! Быстро!

Пока бегали за санитаром, Полещук оклемался. Он поднял голову, повернулся к Сафвату и сказал: – Все нормально. Дай закурить.

Прибежавшего сержанта-санитара послали прочь, а Сафват, наконец, успокоившись, затянулся «Клеопатрой» и по своему обыкновению выдал пословицу:

– «Ёвм асаль ва ёвм басаль»[56]. Понимаешь, Искяндер?

– Что-то про белую и черную полосы, сладкое и горькое, – уловил смысл Полещуки провалился в успокоительную бездну…

…Пробуждение было тяжелым. Машину трясло, голова болталась как тряпичная. Полещук огляделся. Он полулежал на заднем сиденье машины, за рулем был подполковник Сафват. Выгоревшее хаки комбата на спине было потемневшим от пота. Полещук с трудом сел и посмотрел в окошко: там тянулась залитая солнцем безжизненная пустыня.

– Сафват, куда едем?

– А, очнулся, русский герой, – комбат повернулся к Полещуку, – домой едем, в Каир. Там фляга, азизи, выпей воды.

Полещук нашел флягу, отвинтил крышку и глотнул воды. Ему стало немного лучше. Сафват оглянулся: – Как себя чувствуешь? Нормально?

– Да. Слушай, а можно остановиться на минуту?

– Понял. Just a moment[57]. – Почему-то по-английски сказал Сафват и затормозил. – Иди, только быстро.

---

[55] Мой дорогой *(араб.)*

[56] «То мед, то – лук» *(араб. пословица)*

[57] Чуть подожди (англ.)

Быстро отлить не получалось. Полещук выкарабкался из машины, пошел на подгибающихся ногах на обочину, расстегнул ширинку. Сафват тоже вылез из газика и, прищуриваясь, смотрел на небо.

– Давай, Искяндер, скоренько. Место опасное.

– Мы, что по той же дороге едем?

– Да. Так быстрее.

…Наконец появилась цитадель Мухаммада Али с алебастровой мечетью, это уже был Каир. Поплутав по незнакомым Полещуку переулкам и визгом тормозя на перекрестках, Сафват припарковался у трехэтажного дома в Имбабе.

– Приехали, лейтенант! Выходи!

– Сафват, мне же в Насер-сити.

– Я сказал: выходи! Искяндер, тебе нужна помощь. Мы приехали ко мне домой. Выходи, не волнуйся! Здесь уже мои проблемы…

Полещук вылез из газика и вместе с комбатом направился в дом. Поднялись на второй этаж и Сафват, открыв входную дверь, вдруг куда-то исчез. Полещук очутился в большой комнате, обставленной по-арабски. Грубо говоря, в ней ничего не было, кроме ковра на полу с кучей разноцветных подушечек, пары-тройки пуфов и журнального столика. К которому и присел Полещук, пододвинув пуф. Удивительно: никого и ничего. Полещук прислушался: где-то за стеной звучала арабская мелодия. И все. «Ну, попал», – подумал Полещук, – и стал ждать.

Сначала появился какой-то арабский мужик-египтянин, поздоровался, произнес непонятную фразу и исчез. Полещук насторожился: что будет? В голове промелькнула мысль о египетской контрразведке, мухабарат, но эту мысль Полещук тут же отбросил – в доме Сафвата такое маловероятно. «Хотя, черт его знает, что вероятно в чужой стране, а что – нет, – решил он. – Откуда я могу знать, в каком доме нахожусь?»

Тихая музыка убаюкивала до предела уставшего Полещука, глаза закрывались, он стал клевать носом и не заметил, как задремал…

Проснулся Полещук оттого, что кто-то легонечко потрепал его за плечо. И сразу не врубился, где находится, и что за люди стоят возле него. На Полещука удивленно, и с неподдельным состраданием смотрела миловидная женщина в европейском платье с косынкой на голове; рядом с ней стояла смуглолицая улыбающаяся девушка с высокой грудью и огромными агатовыми глазами, одетая в мини; за ними, чуть в стороне – двое пожилых мужчин, в одном из которых Полещук узнал человека, уже заходившего в комнату.

Пока Полещук мучительно пытался сообразить, кто эти люди, в комнату стремительной походкой вошел Сафват, чисто выбритый, одетый в белоснежную рубаху, благоухающий английской лавандой.

– Искяндер, знакомься, – сказал он. Это – Али-эффенди, мой тесть, и Камиль, брат жены.

Сафват подвел вставшего с пуфа Полещука, сморщившегося от боли в ноге, к мужчинам, поочередно пожавшим ему руку и выразившим сочувствие случившимся с их гостем. Потом Сафват повернулся к женщине и девушке.

– Моя жена Муна и дочка Вафа.

Обе церемонно протянули руки русскому переводчику, Вафа еще больше заулыбалась, потом смущенно опустила глаза.

– Искяндер, ты не смотри, что она так взросло выглядит, – он взял девушку за руку. – Ей всего 15 лет. Маленькая еще. – Сафват засмеялся, а Вафа совсем смутилась и со словами: «Ну, тебя, папа!» вырвала свою ручонку и стала за спиной у матери.

Глядя на чистенькое и ухоженное семейство комбата, Полещук ощутил дискомфорт: он стоит перед ними в грязном, вонючем от пота хаки и запыленных сапогах, со ссадинами на лице… Несмотря на то, что ему удалось чуть-чуть привести себя в порядок в бригаде, видок был, конечно, еще тот, неподобающий для русского офицера-переводчика.

Полещук повернулся к Сафвату.

– Мне бы помыться, Сафват. Грязный я весь.

– В душ, в душ, мистер Искяндер, – сказала Муна. – Я все там приготовила. – Она мило улыбнулась. – Сафват вас отведет. Оденете его рубашку и штаны, а вашу форму оставите там. Ее постирают.

– Муна, зачем стирать? У меня есть запасной комплект, дай ему, – Сафват подмигнул Полещуку, – пусть лейтенант носит хаки подполковника. Благо мы с ним почти одного роста и комплекции.

Муна кивнула головой, потом вопросительно посмотрела на мужа:

– А грязную овероль[58] куда девать?

– Выбросить, – коротко сказал Сафват. – Искяндер, пошли в душ! Пока будешь мыться, стол накроют. Чаю попьем в семейном кругу.

…Через полчаса, получив наслаждение от воды, ароматного мыла и чистой одежды, умудрившись кое-как перебинтовать растянутый голеностоп, Полещук вернулся в комнату. Но там никого уже не было, и он наугад направился в соседнюю, откуда доносились голоса и звуки музыки.

– Наиман! – едва ли не хором все домочадцы поздравили русского гостя с легким паром, а Сафват, взяв его за локоть, подвел к накрытому столу и усадил рядом с собой.

Алкоголя на столе, к своему удивлению, Полещук не обнаружил. Чай, бутылочки с «Кока-Колой», египетские и европейские пирожные, конфеты, фрукты. Сафват понял удивление Полещука, усмехнулся и произнес по-русски:

– Потом, не здесь.

Муна налила в чашку Полещука чаю, положила на тарелочку пирожные.

– Мистер Искяндер, может, вы голодны? Может, подать вам чего-то более существенного?

– Нет, спасибо мадам Муна, – ответил Полещук, хотя от голода сосало под ложечкой. Ему было дико неудобно просить, например, мясо с картошкой, когда все пьют чай с пирожными. – Чай – это прекрасно.

За столом главенствовал тесть Сафвата, седовласый Али-эффенди. Как большинство пожилых египтян он интересовался, главным образом, политикой, задавал Полещуку вопросы о Хрущеве, Брежневе, позиции Советского Союза в ближневосточном конфликте, ругал американцев и израильского премьера Голду Мейер. Свои реплики в разговор вставлял Камиль, от чего Али-эффенди недовольно качал головой, но не перебивал сына. Сафват больше молчал и курил, прихлебывая из чашки чай. Муна в разговор мужчин не вступала. Только внимательно слушала и бросала на Полещука материнские, как ему казалось, взгляды.

Зато Вафа, поначалу похлопав в ладошки в восторге от того, как Полещук говорил на арабском языке, потом заскучала от непонятных для нее разговоров, пару раз перебила старших вопросами русскому гостю о популярной в России музыке, моде, кинофильмах и замолчала, наткнувшись на недовольное лицо деда. А когда в беседе возникла пауза, Вафа сбегала к стереосистеме, сделала арабскую музыку громче и предложила Полещуку потанцевать:

– Ну, Искяндер, пожалуйста, – она взяла русского за руку и потащила из-за стола. – Давайте, танцевать арабский танец. Я вас научу.

Ошарашенный Полещук не знал, что ему делать. Он встал и, хромая, пошел за девушкой.

– Вафа, я не умею. Клянусь Аллахом, не умею. И нога болит. Лучше в другой раз…

– Так, Вафа, оставь Искяндера в покое, – вмешался Сафват. – Ему действительно тяжело сейчас танцевать. Ты что, не понимаешь?

Вафа сделала соответствующую гримасу и сказала:

---

[58] Полевая форма *(егип.)*

– Ладно. Но обещайте, что в другой раз потанцуем. Я подружку приглашу, и мы вас научим арабским танцам.

– Дочка, как тебе не стыдно, – подала голос молчавшая Муна. – Он устал, он перенес бомбежку, еле живой остался, а ты пристала со своими танцами.

Мужчины, дымя сигаретами, что-то обсуждали, не вмешиваясь в процесс воспитания, хотя взгляды на Вафу бросали весьма укоризненные…

– Я же тебе говорил, Искяндер, что Вафа еще ребенок, – сказал Сафват, направляясь вместе с Полещуком в свой кабинет под предлогом, что им нужно кое-то обсудить о делах военных. Али-эффенди уже собирался на покой, а Камиль, судя по всему, голоса в семье не имел. Поэтому уход Сафвата и Полещука выглядел естественным. – Это только внешне она – сформировавшаяся девушка…

Личный кабинет Сафвата выглядел, как подумал Полещук, на уровне самых шикарных рабочих кабинетов в мире. Которых он, конечно, в своей жизни не видел. Но представлял именно такими. Дубовые панели, полки с книгами на разных языках, огромный стол темного дерева, удобное кресло, обтянутое кожей. Полещук подошел к полкам, отодвинул цветастую русскую матрешку и вслух прочитал надписи на корешках: «Война и мир», «Преступление и наказание»…

– Сафват, ты это читаешь на русском?

Сафват улыбнулся, подошел к книжным полкам, что-то нажал, раздался мягкий щелчок, и одна из секций дрогнула. Сафват повернул ее и появился довольно вместительный бар, заставленный всевозможными бутылками.

– Как говорится, у нас, богатых, свои причуды, – сказал Сафват и повернулся к Полещуку. – Читаю… Пытался поначалу, когда приехал… Очень трудно, почти ничего не понял… С чего начнем, Искяндер? Лично я предпочитаю виски.

– Но закуски-то ноль, – глянув на Сафвата, ответил Полещук. – Вот коньяк, это можно и так. Шоколад-то хоть есть?

– Обижаешь, азизи. Мы и в Европах, между прочим, бывали. Вот тебе и шоколад, черный из «Гроппи»[59]… А я выпью «Джонни Уокер» с содовой. Жаль лед внизу, не хочется спускаться… Обойдемся, а, лейтенант?

Обойдемся, – согласился Полещук.

– Устроились комфортно, разлили напитки по стаканам, каждый свой. Сафват приоткрыл деревянные ставни с жалюзи, с темной улицы дохнуло некоторой прохладой.

– Как себя чувствуешь, Искяндер?

– В целом нормально. Спасибо тебе. Немного в голове шумит, да нога побаливает, когда наступаешь…

– Ну и хорошо. Легко отделался. Давай, выпьем!

После того как выпили, налили и добавили, Сафват ударился в свои откровения:

– Самое приятное для меня время после израильского плена, о котором я тебе рассказывал, было на курсах «Выстрел». Представляешь, Искяндер, войны нет, никаких проблем, удивительно вкусная сметана (слово «сметана» он произнес по-русски) и крепкая русская водка…

– Обожди, Сафват, – перебил комбата Полещук, – ты что, в Солнечногорске учился?

– Ну, да. А что?

– Да я же там школу закончил, а отец мой до сих пор на «Выстреле» преподавателем работает.

– Правда? – удивился Сафват. – Преподавателем чего?

– Тактики и оперативного искусства.

– Надо же, – Сафват провел рукой по голове, – а зовут отца как?

---

[59] Популярный кондитерский магазин и кафе в Каире.

– Фамилия такая же – Полещук, а имя – Николай. Полковник.

Сафват задумался. Потом взял бутылку виски, плеснул в свой стакан и изучающе посмотрел на лицо Полещука.

– Знаешь, не помню. Наверное, он в другой группе преподавал. – Комбат задымил сигаретой и сказал:

– Давай выпьем за Солнечный город, за «Выстрел», за холодную, но прекрасную Россию.

Сафват чокнулся с Полещуком, опрокинул виски (забыв разбавить содовой) и глаза его опять затуманились воспоминаниями. Полещук хлебнул коньяка «Хеннеси», потянулся за пачкой сигарет.

– Кстати о Солнечногорске, – сворачивая свою цигарку, сказал Сафват. – У меня там женщина была, Олья, Ольга. Муна хорошая жена, но, может быть, ты заметил, Искяндер, у нас с ней не все нормально. Я тебе, кажется, говорил… Но, сам понимаешь, арабская семья, дочка… Так получилось. А Ольга – это настоящее чувство… Я ей писал, устал писать… И ни одного ответа. Не знаю, что случилось…

Полещук, конечно, знал, что случиться там ничего не могло, просто переписка иностранца с советской женщиной была однозначно бессмысленной. Вряд ли до Ольги доходили письма Сафвата, а его – тем более. Такова, к сожалению, жесткая советская система. Это знал Полещук, но Сафвату не сказал ничего. А что было говорить, глядя на египетского подполковника, мучавшегося воспоминаниями. Лучше промолчать, что Полещук и сделал. Оба выпили и молча закурили. Полещук подумал, что Сафват догадался о невозможности письменного контакта с Ольгой, но…

– Сафват, мне лучше у тебя не ночевать, – прервал молчание Полещук. – Надо ехать в Насер-сити.

– Почему? – спросил Сафват. – Тебя что, будут искать?

– Не знаю. Может, и будут, – ответил Полещук. – Кстати, прошлый раз, когда ты меня подвез, я видел подполковника Бардизи. И он меня. Это контрразведка, ты знаешь.

– Бардизи? Этого слащавого тылового осла?

– Да. К сожалению. Так получилось.

– Это меняет дело, – Сафват встал, подошел к окну и открыл его настежь. – Это серьезно для тебя, Искяндер. Он – редкостная сволочь.

Сафват пыхнул ароматным дымом, прикрыл ставню и сказал: – Сейчас я посажу тебя в такси, и поедешь в Насер-сити. Я заплачу, не волнуйся.

…Ворочаясь на койке Полещук долго не мог заснуть. Вставал, курил, опять ложился. «Как объяснить такую откровенность египетского подполковника, – мучительно думал он, – Солнечногорск, любовница Ольга? В голове не укладывается! И это при том, что все местные офицеры уверены, что русские переводчики являются сотрудниками советской военной разведки. В таком случае, чего хочет добиться своими откровениями Сафват? Не понятно. Какая-то загадка…»

Глава восьмая

В Соединенные Штаты прибыла с официальным визитом премьер-министр Израиля Голда Меир. Во время беседы с президентом США Голда Меир заявила, что «историю возрождения» Израиля за последние два десятилетия «невозможно отделить от постоянной помощи Соединенных Штатов».

Большинство обозревателей сходятся на том, что главная цель приезда Голды Меир в США – добиться увеличения военных поставок Израилю.

Секретарь Белого дома по вопросам печати Рональд Зиглер сообщил, что во время вчерашней беседы с президентом Никсоном премьер-министр Израиля Голда Меир настаивала на дополнительных поставках Израилю военных реактивных самолетов – 25 «Фантомов» и 50 «Скайхоков». Это дополнительно к 50 «Фантомам», поставка которых Израилю уже началась.

(Нью-Йорк, 26 сентября, соб. корр. «Правды»)

В Лондоне моросил дождь. Мирван Хасан вышел из отеля и огляделся. Не заметив ничего подозрительного, он раскрыл, зонт и пошел по улице. «Эти еврейские конспираторы, кажется, слишком перестраховываются, – подумал он, подходя к будке телефона-автомата. – Но игра явно стоит свеч. Во имя Аллаха милостивого и милосердного.» С этой мыслью он зашел в будку и, еще раз проверившись, набрал номер. Получив инструкцию неизвестного ехать до Сиркус Роад, откуда еще раз позвонить. Мирван выскочил из будки и махнул зонтиком. Такси остановилось через какую-то минуту. «Станция метро „Сиркус Роад“, – произнес он, прыгнув на заднее сиденье. – И быстрее, пожалуйста!» Водитель несколько удивленно оглянулся на пассажира и сказал: – Мистер, это же совсем рядом.

– Неважно, давай, гони. Очень спешу! – глухо ответил Мирван и стал заниматься своим зонтом.

Таксист, привыкший ко всякого рода пассажирам, замолчал и, обгоняя машины, помчался по трассе. Через какие-то пять минут он остановился у станции метро. Мирван Хасан сунул ему пятифунтовую банкноту, вылез из автомобиля и направился к метро. Таксист хмыкнул, врубил скорость и медленно поехал, высматривая сквозь пелену моросящего дождя возможных клиентов.

– Коричневая ветка, Паддингтон, – глухо сказал незнакомец в трубку телефона. – Оттуда позвоните.

Мирван, чертыхнувшись, нырнул в метро. Проехал пять остановок, вышел наверх, осмотрелся на всякий случай, и еще раз позвонил.

– Мы вас ждем на Эдгвар Роад, – сказал некто. – Это всего одна остановка. Выходите, мы вас встретим.

На выходе из метро к Мирвану Хасану подошли два субъекта с зонтами.

– Мистер, следуйте за нами, – сказал один из них. – Не оглядывайтесь. Все под контролем…

Идя за ними, Мирван стал догадываться, почему его привели именно сюда: здесь, судя по всему, был арабский район Лондона с соответствующими харчевнями, запахами шавермы, людьми ближневосточной наружности и многим другим, не вызывающим никакого подозрения по поводу появления здесь троицы мужчин, внешний вид которых органично вписывался в этот ареал. А особенно его, Мирвана, коренного египтянина.

– Сюда, – повернулся к Мирвану мужчина, сложил свой черный зонт и остановился у двери.

Все трое вошли. Пахнуло нежилым помещением, кошками, человеческими испражнениями. По темной лестнице поднялись на второй этаж. Четыре с промежутками звонка во входную дверь, которая приоткрылась на цепочке; провожатый произнес непонятное Мирвану слово, услышал ответ, и дверь отворилась.

– Пожалуйста, мистер, – сказал второй провожатый и жестом показал Мирвану, что можно войти.

Египтянин осторожно вошел в конспиративную, как он стал догадываться, квартиру и огляделся. «Да, – с грустью подумал египтянин, – неужели Моссад в фешенебельном Лондоне не имеет возможности на что-нибудь более приличное. Замызганные стены, убогая обстановка, ужасная вонь…» С продавленного кресла поднялся человек, абсолютно не соответствовавший этим апартаментам: аристократичного вида, рыжеволосый, одетый в темно-серый костюм тонкой шерсти с редкой полоской. Похоже, очень дорогой костюм. Мужчина улыбнулся Мирвану и махнул рукой его провожатым, мол, свободны. И они оба как будто испарились.

– Здравствуйте, мистер Рамзес, – сказал он на безупречном английском, протягивая Мирвану руку. – Кажется, так вас называют мои коллеги?

– Да, я – Рамзес. А вы кто?

– Неважно. Называйте меня, например, мистером Икс. Или Игрек. Как хотите. – Его тонкие губы растянулись в улыбке. – Разницы нет. Давайте, сразу к делу.

Мирван Хасан попытался тоже улыбнуться, но это у него не получилось. Он скривился и произнес:

– Мистер Икс или Игрек, вы же знаете, кто такой я. – Мирван ткнул себя в грудь. – Неужели человек, приближенный к первому лицу государства, более того, его родственник, не достоин лучшего, чем эти трущобы? – Он иронично смерил глазами облупленные стены.

– Я же сказал, к делу, Рамзес, – сказал Икс с ухмылкой на лице. – Не та ситуация, чтобы бравировать родством с нашим главным врагом. Вы деньги получили?

– Да.

– Мы проверили ваше родственное отношение к президенту, и оно уже не вызывает сомнений. Потому и деньги пошли на ваш счет… Пока, можно сказать, авансом… А теперь, Рамзес, давайте без сантиментов: информация – деньги, и – никаких глупостей. Итак?

– Что вас интересует?

– Вы что, смеетесь? – мистер Икс нахмурил брови. – Поставки вооружений Советами. Когда, что и как. Переговоры, соглашения с Брежневым или кем-то еще из верхушки… Особенно по системам ПВО. Мы же вам платим, Рамзес, немалые деньги, черт побери!

– Есть у меня важная информация, господин Икс, – Мирван многозначительно посмотрел в лицо израильскому разведчику, – о том, что на самом высоком уровне идут переговоры о поставках Египту новейших зенитно-ракетных комплексов САМ–3, это по русской терминологии называется С–125 «Печора».

– Ну, ну, интересно, – брови израильтянина поползли вверх. – Продолжайте.

– Продолжение, думаю, будет для вас шокирующим, – драматично, чисто по-восточному, воздел руки Мирван Хасан. – Советы направляют в Египет свои войска!

– Загибаете, Рамзес! Фантазируете ради денег, – усомнился израильский мистер Икс. – Не верю. Это – нереально, это – война между Советами и Америкой! Что вы лепечите, молодой человек? Сами-то понимаете? Вы же говорите о третьей мировой войне! Чушь какая-то!

– Тем не менее, мистер Икс, это правда. Переговоры ведутся и, насколько я знаю, Насер собирается вылететь в Россию для подписания этого соглашения.

Израильтянин, поняв, что человек, получивший в Моссаде псевдоним Рамзес, скорее всего, не лукавит, заторопился.

– Так, если ваша информация достоверна, а мы это проверим, – сказал он, – вы, Рамзес, получите чек на оговоренную сумму. Но, не забывайте, нам нужны документы. Все. Как связаться, вы знаете. Впрочем, – израильтянин посмотрел на Мирвана, – другая встреча с нашими может быть не в Лондоне. Где – вам сообщат. Неважно: в Дамаске, Бейруте или Каире. Ждите сигнала, Рамзес. Удачи вам! Да, чуть не забыл. – Израильтянин достал из кармана плоскую черную коробочку, размером чуть больше спичечного коробка. – Это фотокамера с очень чувствительной микропленкой. Постарайтесь сфотографировать все то, за что получите очень хорошие деньги…

…Моросил надоедливый дождь. «Здесь уже осень, – подумал Мирван Хасан, распахнул свой зонт и стал выглядывать такси, – а у нас, в Каире, тепло…» Он поежился и протянул руку: «Такси! Такси!»

Эту очередную встречу зятя египетского президента Насера с сотрудником «Моссада» в арабском квартале возле старой римской дороги советской военной разведке отследить не удалось. Мирвана Хасана потеряли в Паддингтоне…

* * *

Только исключительная, выходившая из-под контроля ситуация, заставила военного атташе собрать часть оперативных офицеров ГРУ в посольстве. Как они добрались сюда, в Гезиру, возможно, уходя из-под контроля местной «наружки», его особенно не интересовало. Профессионалы они и есть профессионалы.

– Итак, товарищи доблестные разведчики, что мы имеем на сегодняшний день? Да ни хрена мы не имеем, – резидент ГРУ Иванов посмотрел на своих подчиненных и укоризненно покачал головой. – Оперативные связи скудные, агентура не того уровня… Похоже, соседи скоро обскачут нас по всем статьям. Обидно, ей-Богу, обидно. Им – ордена, звания, а мы – элита офицерского корпуса, глаза и уши страны… А, что и говорить. Какой-то «зять» активно сливает информацию евреям, а вы… – Иванов поперхнулся, – не в состоянии выйти на нужных людей. Известно, на кого. – Резидент обвел взглядом звуконепроницаемые стены спецпомещения посольства и бросил: – Кому невтерпеж, можете курить. Только не все сразу – задохнемся. – И первый зажег сигарету. – Товарищ Озеров, хотелось бы выслушать ваши соображения.

Некурящий Озеров встал со стула, поправил галстук, укоризненно посмотрел на дымивших коллег, перевел взгляд на Иванова, немного подумал и сказал: – Сергей Викторович, наша операция по «зятю», как вы знаете, пока в стадии разработки. Я не хотел бы сейчас говорить о деталях, но кое-какие результаты уже есть…

– Валерий Геннадьевич, – поморщился резидент. – Давайте по существу. О вашей разработке объекта я знаю. Ваши соображения?

– Извините, Сергей Викторович, – Озеров резко отодвинул стул. – Ваш вопрос, думаю, не совсем корректен. – Он обвел глазами оперативников резидентуры. – При всем моем доверии к коллегам, разрешите доложить по этому вопросу отдельно.

Возникла немая пауза. Офицеры разведки уставились на Озерова. Они понимали, что он прав. Хотя некоторых из них и сверлили глазами «торгпредовского» чиновника, они, как оперативники ГРУ, четко знали: каждый должен делать свое дело и не лезть в дела других. «Меньше знаешь, крепче спишь, а также дольше живешь» – наверное, подумал кое-кто из них и удивился позиции «резака»[60], поставившего на общее обсуждение вопросы выполнения конкретной операции. На профессионала, каковым без сомнения являлся Иванов, это было совсем не похоже. Ведь каждому из оперативников резидентуры обычно ставилась отдельная узкая задача в рамках совместной операции, смысл и цель которой, как правило, знало очень ограни-

[60] Резидента *(сленг офицеров ГРУ)*

ченное число руководящих лиц. Это диктовалось спецификой деятельности ГРУ за рубежом и максимально уменьшало возможную утечку ценнейшей информации. Разумеется, в случае провала в работе любого из участников операции. Или его сознательного предательства. Такой вариант, кстати, не исключает ни одна разведка в мире.

Надо полагать, в четвертое управление ГРУ, а может, и выше, на уровне руководства Центра, поступила настолько серьезная информация, касающаяся упомянутой операции, что Иванов просто был вынужден, в виде исключения, собрать всех ее участников. Впрочем, все эти предположения, возникшие у офицеров резидентуры, частично сам же Иванов и подтвердил.

– Ладно, Валерий Геннадьевич, не возражаю. Доложите лично после совещания. – Резидент загасил окурок в пепельнице. – Я продолжу, товарищи. Итак, не вдаваясь в детали операции, – он посмотрел на Озерова и усмехнулся. – Не вдаваясь в детали, хочу, нет, требую, максимально активизировать усилия на выполнение каждым поставленной задачи. Повторяю: каждым. И вот почему.

Разведчики внимательно смотрели на резидента в ожидании, что он сейчас скажет что-то такое, что… Да нет, они смотрели на Иванова, как любые подчиненные на своего начальника, проводящего служебное совещание.

– В Каир на должность резидента КГБ едет полковник Кирпичев. – Иванов обвел глазами офицеров, как бы в ожидании их реакции на сказанное. Все молчали.

– Кто не знает этого человека, в чем я очень сомневаюсь, докладываю: Вадим Алексеевич – сильный арабист, возглавляет африканский отдел ПГУ[61]. Много лет работал в Египте, включая период войны 1956 года, лично знаком с президентом Насером.

Иванов немного задумался, потом встал со стула, прошелся по спецпомещению, глянул на потолок и стены, прислушался к едва слышному гудению кондиционера.

– Не сомневаюсь в мощных возможностях Кирпичева, думаю, не потерявшего связи с людьми в окружении президента. Отсюда вывод, товарищи, – Иванов вернулся на свое место, взял со стола пачку «Мальборо», но курить не стал, – вывод прост и всем вам очевиден: с приездом Вадима Алексеевича, который, между прочим, вот-вот должен получить генерала, конкуренция с соседями в рамках разрабатываемой операции обострится до предела. Ни я, ни вы, полагаю, не испытываете ни малейшего сомнения в том, что соседи тоже отрабатывают эту тему. Почему я так думаю? – Резидент ГРУ ухмыльнулся. – Да потому, что слишком много знаю. Слишком…

Вадим Алексеевич Кирпичев для людей осведомленных, которых даже в системе ПГУ КГБ СССР насчитывалось очень немного, слыл личностью весьма и весьма незаурядной. Трудно было поверить в то, что этот невысокий человек с типично интеллигентской внешностью, блестяще закончивший Московский институт востоковедения в начале 50-х годов, владеющий тремя языками, прошел войну не кем-нибудь, а десантником 103-й дивизии ВДВ, освобождавшей Австрию и Чехословакию. После разведшколы молодой и способный арабист попал в восточный отдел ПГУ и оказался в резидентуре КГБ в Египте.

Кирпичев был одним из первых разведчиков-аналитиков, сумевших разобраться в том, что из себя представляет режим Гамаля Абдель Насера по отношению к СССР, и познакомиться с египетским лидером лично. Он успел заблаговременно дать информацию в Центр по поводу тройственной агрессии против Египта в октябре 1956 года, что дало возможность Москве определить оптимальную политическую позицию. В ходе войны Центр регулярно получал от оперативного сотрудника резидентуры исчерпывающую и крайне необходимую информацию…

[61] ПГУ (Первое Главное управление КГБ СССР)

В 1958 году Вадим Кирпичев сопровождал президента Египта Насера в его первой поездке в Советский Союз, переводил беседы египетского лидера с Никитой Хрущевым. (Разумеется, ни тот, ни другой даже не догадывались о том, что умный и обаятельный переводчик является кадровым сотрудником ПГУ КГБ.)

В 1960 году, проработав в Египте шесть лет, Кирпичев вернулся в Москву, а спустя пару лет был командирован в Тунис в качестве резидента КГБ, откуда успешно организовывал операции по поддержке национально-освободительного движения в соседнем Алжире, боровшимся против французских колонизаторов. Затем, будучи начальником африканского отдела ПГУ, он побывал еще в нескольких арабских и африканских государствах. Проколов у него не было: нигде и никто не смог вычислить его принадлежность к разведке. Вадима Кирпичева все знали только как перспективного дипломата и прекрасного арабиста. Насколько же интеллект, помноженный на внешность (высоколобый очкарик с неспортивной фигурой) могут быть обманчивы!

…Каирский резидент ГРУ Сергей Иванов абсолютно не заблуждался относительно причин предстоящего приезда Кирпичева в Египет. Новый секретарь посольства СССР был именно тем профессиональным разведчиком, который, как никто другой из руководящих сотрудников ПГУ, сможет разобраться в сложнейшей обстановке противостояния Египта и Израиля, наладить оперативную работу, информировать военно-политическое руководство Советского Союза о любых (вплоть до мельчайших нюансов) телодвижениях Насера и его окружения как в сторону главного стратегического союзника, так и в направлении стран Запада.

Отдавая должное личности полковника Кирпичева, резидент Иванов, тем не менее, видел в нем главного конкурента-соперника. Что бы там ни говорили о единых высших целях и задачах обеих разведок, подспудно вопрос ставился так: кто быстрее и профессиональнее сделает дело? А в этом контексте военного атташе полковника Иванова более всего интересовал не американский самолет Ф–4 «Фантом» (который со дня на день должен был появиться в небе Египта), а Мирван Хасан, муж младшей дочери президента Насера, продолжавший контактировать с израильским «Моссадом». Операция ГРУ под кодовым названием «Родня» оказывалась под угрозой срыва. Ведь «соседи» из ПГУ после приезда полковника Кирпичева обретут «второе дыхание». И вполне могут опередить резидентуру ГРУ…

* * *

У Валерия Озерова, являвшегося, несмотря на скромное майорское звание, практически правой рукой резидента ГРУ в Египте, имелись реальные возможности выхода на интересующих советскую разведку египетских офицеров. Он, выпускник ВИИЯ, опытный арабист, неплохо знал многих переводчиков, работающих в стране. А кто, как не они, «глаза и уши» военной разведки, находящиеся в непосредственном контакте с местными офицерами и генералами в частях и штабах, могли стать ниточкой для установления нужных связей. Или, по меньшей мере, стать источниками информации. Информации, которой так не доставало резидентуре ГРУ. Тем более, в условиях довольно жесткой конкуренции с комитетскими «соседями». Озеров, как и его коллеги по конторе, давно понял, что декларируемая дружба с так называемыми «соседями» не более чем миф. Относительно дружеское общение с ними возможно лишь на личностном уровне, да и то с оговоркой. Ведь каждый себе на уме: думает, в первую очередь, о должности и звании, от которых зависят все его блага в будущем. Что предполагает, естественно, благополучие семьи, а это: и престижная квартира в Москве, и шикарная дача в ближнем пригороде, и… Да что там говорить – в конце концов, служебная командировка на несколько лет в любое западноевропейское посольство – из той же «оперы».

Что касается местной разведки и контрразведки, то якобы дружеские контакты с ними, обусловленные войной с Израилем, никого из «грушников» в заблуждение никогда не вводили.

У них всегда была и продолжается сейчас тайная война со всеми: и с «Моссадом», и с египетским мухабарат, и с американским ЦРУ, и с британской МИ–5… Короче, со всеми спецслужбами мира. Такая уж у военной разведки работа.

Впрочем, контрразведывательный режим местных спецслужб в отношении советских «братьев по оружию» был довольно мягким. «Наружка», по крайней мере, особенно не докучала. Даже установленные разведчики, включая резидента Иванова, чувствовали себя в Египте достаточно вольготно. Война с общим сионистским врагом – и этим все сказано!

…Переводчики гуляли на вилле СВС в Гелиополисе. Это было трехэтажное здание с садиком, небольшим летним кинотеатром и открытым кафе. Пили белое местное вино, выбранное из-за его дешевизны. Вино оказалось коварным: после пары-тройки стаканов этого «сухаря» на каждого языки молодых парней, разморенных не прекращающейся жарой, развязались. И понеслось… И было наплевать переводягам, приехавшим на побывку из разных секторов Суэцкого канала, где они испытали на себе бомбежки и артобстрелы, видели кровь и смерть, дышали дымом пожарищ, подвергались атакам полчищ блиндажных клопов и блох, изнывали без воды и нормальной пищи, – наплевать буквально на все и на всех: на сотрудников аппарата генерала Катушкина при галстуках, на кажущуюся шикарной после пустыни обстановку виллы с библиотекой на втором этаже и какими-то еще неизвестными им помещениями; на людей, сидящих на скамейках кинотеатра в ожидании фильма; даже на женщин, фланирующих в саду с разговорами, скорее всего, о шмотках и сертификатах… В общем, на вилле гуляли фронтовые переводчики. И, несмотря на бесшабашное поведение парней, если не все, то многие, наверное, догадывались, откуда они приехали, и поэтому даже не пытались их задевать.

– Представляете, мужики, – талдычил подвыпивший лейтенант-двухгодичник, враз поседевший, когда его вместе с советником и парой арабов взрыв бомбы похоронил в блиндаже, и их всех с огромным трудом откопали спустя несколько часов. – Нет, вы представляете, меня обещали представить к медали «За боевые заслуги». – Он хлебнул вина, неумело закурил. Пальцы заметно дрожали. – У меня одного оказалась свободная рука, я и рыл ею землю… – Он показал всем ободранную до локтя руку, разукрашенную арабским аналогом йода. – Седой стал, правда… Хрен с ними, седыми волосами, зато живой…

Коллеги-переводчики слушали парнишку, не перебивая. До сих пор еще никому из них такого испытать, к счастью, не удалось.

– Да ладно тебе, старик. Не вспоминай, бывает, – сказал кто-то. – Выжил, и слава Богу. Давай, за это и выпьем!

Лешка Агарышев с энтузиазмом потянулся к стакану, кто-то спросил, где туалет. Взяли еще вина. Закуски никакой не было, экономили. Да и какая закуска нужна к сухому вину с кубиками льда? Жарко ведь!

– Может, книгу взять в библиотеке? – спросил Витя Сажин.

– Во, Сажа дает! – удивились ребята. – Ты еще в кино сходи, читатель!

И все начали безудержно ржать. Но мысль о книге, для Виктора, видимо, была настолько серьезной, что он встал и, пошатываясь, направился к дверям виллы. Переводчики проводили его кто укоризненным, а кто понимающим взглядом. Читать на канале действительно было нечего, кроме изредка попадавшей в подразделения фронтовой газетенки, в которой самым интересным был раздел «Изучаем язык врага» с фразами на иврите: «Руки вверх!», «Сдавайся!», «Твое имя, звание, номер части?» и т. п.

– Здорово, ребята! – сказал Озеров, подойдя к столу загулявших переводчиков.

– А, Валерий Геннадьевич! Здравствуйте! – вразнобой ответили знавшие его по институту офицеры. Только рано поседевший двухгодичник непонимающе уставился на высокого, стройного мужчину в очках в тонкой золотистого металла оправе.

– Отдыхаете? – поинтересовался Озеров, глядя на заставленный пустыми бутылками стол и пепельницы, до предела заполненные окурками.

– Отдыхаем, товарищ капитан, еще как отдыхаем.

– Был капитан, да весь вышел, – усмехнулся Озеров, сверкнув линзами очков. – Теперь – обычный чиновник торгпредства…

– Правда? Да вы что? – заинтересовались переводчики. – Надо же, вы, Валерий Геннадьевич, такой профессиональный арабист, помним, учили нас азам языка… Выпьете с нами, а?

– Не откажусь, – Озеров посмотрел на переводяг. – Только чуть-чуть, я за рулем.

Полещук отыскал на столе бутылку с вином и крикнул мальчишке-арабу, что бы тот мигом принес чистый стакан. «Хадыр, эффендем!» – ответил тот, и через минуту притащил на подносе стакан со льдом. Полещук разлил остатки вина по стаканам.

– За вас, Валерий Геннадьевич! – сказал он. – Чертовски приятно увидеть здесь своего преподавателя. – За ваше здоровье!

– Спасибо, Саша! Спасибо, ребята! – Озеров пригубил стакан и поставил его на стол. – Как вы тут, как служба?

Захмелевшие переводчики стали наперебой рассказывать Озерову о своей фронтовой работе. Он внимательно слушал пьяное бахвальство ребят, смешанное с действительно боевыми реалиями их переводческой миссии на Суэцком канале. Глаза Озерова были серьезными. Впрочем, мало кто из парней это замечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.